

Идіотія.

Вторую группу психозовъ составляютъ психозы инвалиднаго мозга. Инвалидность эта можетъ имѣть очень разнообразныя градации какъ анатомическія, такъ и клиническія. Въ анатомическомъ отношеніи они могутъ выражаться отъ грубо-видимыхъ порэнцефалій и другихъ дефектовъ, до неуловимыхъ въ настоящее время микрохимическихъ измѣненій,—клинически—отъ полнаго отсутствія интеллекта, ставящаго человѣка въ ряду животнаго царства ниже стоящихъ животныхъ, до весьма тонкихъ аномалійныхъ психическихъ явленій, требующихъ для своего отнесенія къ области патологии значительную опытность и солидность знаній со стороны наблюдателя и изслѣдователя.

На основаніи отчасти патолого-анатомическихъ, а отчасти клиническихъ данныхъ, мы позволимъ себѣ раздѣлить эту группу психозовъ на двѣ подгруппы: къ первой изъ нихъ отнесутся тѣ психозы, въ которыхъ психо-патологическіе симптомы являются выраженіемъ неспособности мозга къ дальнѣйшему развитію, сюда относятся: идіотизмъ, тупоуміе и нравственное помѣшательство,—ко второй—тѣ психозы, которые служатъ выраженіемъ присоединенія къ основному, почти всегда грубо неуловимому, инвалидному состоянію мозга другихъ патологическихъ условій, измѣняющихъ ходъ мыслительной дѣятельности въ иную сторону, чѣмъ онъ могъ бы быть безъ этихъ случайныхъ патологическихъ условій: сюда относятся неирастенія, какъ основа всѣхъ остальныхъ поражений, насильственные явленія, гебефрениа, первичное помѣшательство, истерія и эпилепсія.

Первая группа случаевъ представляетъ пріостановку развитія мозга и потому клиническая картина болѣзни есть роковой результатъ въ жизни даннаго лица,—вторая группа случаевъ не представляетъ такой роко-

вой необходимости. Нейрастеникъ, имѣя какія-то, до селѣ намъ неизвѣстныя, измѣненія въ структурѣ нервныхъ элементовъ, можетъ и на всю жизнь остаться таковымъ, если въ теченіи его жизни не присоединятся другія побочныя вліянія на его нервную систему, толкающія ея жизненную діагональ по другому направленію, чѣмъ она бы пошла безъ этихъ условій. Направление этой діагонали будетъ зависѣть частью отъ индивидуальности свойствъ самого субъекта, частью отъ этихъ внѣшнихъ вліяній. Естественно, что принимаемое нами дѣленіе будетъ до извѣстной степени искусственно, какъ и всякая систематизація вообще; но мы ее считаемъ удобною для дальнѣйшаго пониманія излагаемаго предмета.

Имѣя эту исходную точку, мы приступаемъ къ изложенію намѣченныхъ двухъ группъ психозовъ инвалидов мозговъ: идіотіи и неирастениі.

а) Идіотизмъ.

Слово идіотизмъ будетъ обозначать невсякій случай крайняго слабоумія, а только лишь случаи недостаточной мыслительной дѣятельности, зависящіе отъ приостановки развитія или полнаго неразвитія душевной дѣятельности.

Понятно, что въ основѣ подобнаго умственнаго недоразвитія должно лежать недоразвитіе мозга, какъ органа душевной дѣятельности. Всѣ уклоненія въ строеніи мозга могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи: они могутъ быть обусловлены различными патологическими измѣненіями въ ткани мозга или его оболочекъ,—и приостановкой развитія мозга. Какъ тѣ, такъ и другія явленія бывають въ однихъ случаяхъ до рожденія человѣка на свѣтъ, въ его еще утробной жизни,—въ другихъ же случаяхъ въ вѣутробной его жизни, или по рожденіи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ болѣзнетворныя причины могутъ дѣйствовать въ очень широкій промежутокъ времени до полнаго сформированія организма. Отсюда слѣдуетъ, что какъ патолого-анатомическія уклоненія въ строеніи мозга, такъ и уклоненія въ мозговыхъ отправленіяхъ будутъ весьма разнообразны и представлять многочи-

сленныя видоизмѣненія. Это положеніе какъ нельзя болѣе подтверждается практикой и мнѣніемъ опытныхъ наблюдателей. Картина идиотизма до такой степени разнообразна для различныхъ случаевъ, что нѣкоторые психіатры рѣшаются утверждать, что каждый случай идиотизма представляетъ собою характерную особенность и разновидность болѣзненной формы (Шпильманъ). Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я позволяю себѣ представить эту картину только въ общихъ чертахъ ея.

Каждому извѣстно, что родъ человѣческій въ своемъ цѣломъ,—начиная отъ его рожденія и до наивысшаго состоянія своего умственного проявленія—представляетъ крайнее разнообразіе совершенства. Новорожденный представляетъ нуль знаній, онъ даже не умѣетъ воспринимать и собирать этихъ знаній и свѣдѣній. Человѣкъ, получившій высшее образованіе въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, можетъ считаться вѣнцомъ и красой всего существующаго на нашей планетѣ. Какая громадная пропасть лежитъ между этими двумя состояніями, наполняющаяся бесчисленными оттѣнками большаго или меньшаго проявленія мыслительной дѣятельности въ зависимости отъ возраста, пола, географическаго положенія, социальныхъ условій, степени образованія, условій естественнаго подбора, борьбы за существованіе и пр. При такомъ поражающемъ разнообразіи проявленія умственной дѣятельности, становится крайне затруднительнымъ утвердить—кто изъ этихъ людей будетъ уменъ, кто глупъ,—кто умственно совершенъ и кто отсталъ. При необходимости постановки подобнаго различія приходится принимать во вниманіе весьма много условій, при которыхъ развивался тотъ или другой организмъ. Поэтому, для болѣе прочнаго положенія въ этомъ вопросѣ, необходимо найти какую-нибудь исходную точку при установкѣ различія умнаго и глупаго, развитога и идиота. Такою исходною точкою, мнѣ кажется, лучше всего должно служить сравненіе умственныхъ способностей даннаго лица съ таковыми же лицъ одинаковаго съ ними возраста, пола, социальныхъ и климатическихъ условій существованія, общественнаго положенія, степени образованія и

проч. Если при подобномъ сравненіи извѣстное лицо будетъ представлять разительныя отличія и умственныя недостатки, то тогда только мы можемъ утверждать недостаточность или отсутствіе умственного развитія или идиотизмъ даннаго лица.

Присматриваясь къ многочисленнымъ проявленіямъ идиотизма, мы замѣчаемъ, что одни изъ идиотовъ представляютъ такую крайнюю ступень слабоумія, что у нихъ отсутствуютъ всякія знанія о внѣшнемъ мірѣ и самомъ себѣ, по своей душевной жизни они стоятъ далеко ниже противъ многихъ другихъ видовъ животнаго царства. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мыслительная дѣятельность идиота настолько обширна, что трудно бываетъ положить границу между умственно здоровымъ человѣкомъ и идиотомъ. Между этими двумя крайними точками лежитъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ степеней умственного идиотскаго совершенства. Лучшимъ въ этомъ случаѣ примѣромъ можетъ служить умственное развитіе каждаго любого человѣческаго организма. Рождается на свѣтъ человѣкъ безусловно безъ всякихъ знаній, — въ 22—24 года онъ представляетъ наивысшую ступень своего умственного и нравственного развитія. Взгляните на промежутокъ времени между этими двумя точками, — какая масса состояній умственного совершенства, — каждый день будетъ представлять свой отгнѣнокъ. Такая же масса разновидностей въ области идиотіи. Этимъ объясняется трудность классификаціи идиотовъ, этимъ объясняется мнѣніе, что формъ идиотизма столько же, сколько идиотовъ, или каждый идиотъ представляетъ отдѣльную форму болѣзни.

Какъ физическая, такъ и умственная организація каждаго отдѣльнаго человѣка обуславливается двумя факторами: матерьяломъ, унаслѣдованнымъ отъ родителей, и дальнѣйшимъ его воспитаніемъ. Идиотизмъ поэтому можетъ являться наслѣдственно, получаться вслѣдствіе испорченной природы родителей — психопатовъ, нейропатовъ, пьяницъ, преступниковъ и пр. Во вторыхъ идиотизмъ можетъ наступить вслѣдствіе неправильнаго питанія плода въ утробѣ матери, какъ — вслѣдствіе болѣзни матери, ударовъ, ушибовъ и пр. И наконецъ идиотизмъ можетъ явиться вслѣдствіе при-

остановки развитія умственного и нравственного воспитанія данного лица въ дѣтскомъ его возрастѣ. Первые два условія идіотизма даютъ почти всегда самую крайнюю ступень ослабленія мыслительной дѣятельности, — третье будетъ стоять въ зависимости отъ того, на какомъ году жизни произошла приостановка умственного развитія данного лица. Чѣмъ раньше будетъ приостановка, тѣмъ сильнѣе будетъ выраженъ идіотизмъ и наоборотъ. По состоянію умственной дѣятельности мы, до нѣкоторой вѣроятности, можемъ указать на время приостановки умственного развитія.

Для удобства изученія этого отдѣла, мы раздѣлимъ идіотизмъ на три степени: полное отсутствіе мыслительной дѣятельности—идіотизмъ въ полномъ смыслѣ слова, сюда будутъ относиться лица съ приостановкою мыслительной дѣятельности отъ первыхъ дней рожденія и приблизительно до 10-ти лѣтняго возраста,—ослабленная мыслительная дѣятельность или ту-поуміе, когда умственное развитіе будетъ стоять выше предыдущаго и равняться лицамъ 11—16 лѣтняго возраста при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ,—и недостатокъ нравственного чувства или нравственное помѣшательство.

Идіотизмъ (*Idiotismus*) можетъ являться двояко: спорадически, отдѣльными случаями въ обществѣ, отъ случайныхъ причинъ,—и эндемически—повально въ той или другой мѣстности, въ зависимости отъ климатическихъ и соціальныхъ условій данной мѣстности. Въ первомъ случаѣ онъ оставляетъ за собою общее названіе идіотизма, — во второмъ случаѣ онъ называется кретинизмомъ (*Kretinismus*). Почти всегда кретинизмъ сопровождается физическими уродствами, особенно зобомъ, который также обусловливается климатическими и соціальными условіями мѣстности.

Самочувствіе и настроеніе духа идіотовъ является совершенно безразличнымъ, индифферентнымъ и безучастнымъ. Основною этому служить пустота въ области ощущеній и представленій, такъ какъ самочувствіе и настроеніе духа является только какъ реакція или воздѣйствіе на возникающія въ нашемъ сознаніи ощущенія и представленія. И дѣйствительно идіоты почти всегда ко всему безучастны. Они ничѣмъ не

интересуются, ничего не боятся, ничему не радуются. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ они выражаютъ радость блестящимъ яркимъ предметамъ, острымъ вкусовымъ ощущеніямъ, табуку и пр.,—иногда же сильно злятся и раздражаются. Но эти всѣ проявленія такъ рѣдки, что имъ нужно заносить въ замѣтки, какъ особенныя жизненныя проявленія.

Органы чувствъ почти всегда устроены анатомически правильно, но они всегда неразвиты. Каждый ребенокъ рождается на свѣтъ не только безъ всякихъ знаній, но и безъ умѣнья добывать эти знанія и съ теченіемъ времени путемъ сноровки онъ пріучается пріобрѣтать эти знанія и пріобрѣтаетъ ихъ. Идіотъ или вовсе не выучивается пользоваться своими органами чувствъ, или же если и воспринимаетъ раздраженія, то только слишкомъ напряженныя и почему либо удовлетворяющія ихъ животной примитивной жизни. Отсюда вытекаетъ, что идіоты имѣютъ глаза и ими не видятъ, имѣютъ уши и ими не слышатъ, имѣютъ прочіе органы и ими не пользуются. Если же почему нибудь данное раздраженіе и даетъ извѣстный отпечатокъ, если оно и воспринимается сознаниемъ, то воспріятіе это бываетъ настолько неясное, неотчетливое, что очень быстро улетучивается изъ головы больного. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ виѣшнія раздраженія только скользятъ по органамъ идіота, не оставляя послѣ себя слѣда. У нѣкоторыхъ же идіотовъ съ положительностью можно утверждать недѣятельность органовъ вкуса, обонанія и осязанія. Естественнымъ результатомъ всего этого будетъ крайнее ограниченіе области ощущеній и полная невозможность къ какому бы то ни было обученію и образованію. Иногда со стороны органовъ чувствъ бываютъ галлюцинаціи, но они весьма рѣдки.

Мыслительная область представляетъ или полное отсутствіе какихъ бы то ни было свѣдѣній и знаній, или очень значительное ограниченіе ихъ. Первое, что бросается въ глаза у этихъ людей—это полное безразличное отношеніе ко всему окружающему, отсутствіе какого бы то ни было интереса и вниманія къ окружающей обстановкѣ. Если бы даже это вниманіе и было возбуждено чѣмъ нибудь, то оно очень быстро

теряется, не воспринявъ даже вполне впечатлѣнія. Обыкновенно у этихъ больныхъ рѣчь или вовсе отсутствуетъ, или же крайне ограничена. Часто они настолько малосвѣдуши, что смѣшиваютъ отца и мать съ посторонними и не дѣлаютъ разницы въ сношеніяхъ между ними. Иногда такіе больные не знаютъ и не заботятся о своей ѣдѣ,—не имѣютъ надобности и потребности правильно производить отдѣленія организма,—не умѣютъ дѣлать выбора въ пищѣ и проч. У болѣе развитыхъ идиотовъ обнаруживаются только самыя первичныя и обыденныя свѣдѣнія и дѣло не идетъ далѣе представленій. Понятія такимъ больнымъ неприсущи. Поэтому идиоты совершенно безразличны къ угрозамъ, приказаніямъ, выговорамъ, запрещеніямъ и пр. Они болѣе чувствительны къ наказаніямъ, наградамъ и пр.,—но это не значитъ, чтобы они въ состояніи были отвлечься отъ даннаго случая, обобщить его и сдѣлать какой-нибудь выводъ. Это выше ихъ силенокъ. Рядомъ съ этимъ у нихъ полное отсутствіе стыда и стѣсненія,—даже привязанность и любовь не всегда можно подмѣтить въ самой простѣйшей ея формѣ.

Но при крайнемъ ограниченіи ихъ умственныхъ способностей вообще, у нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляется развитіе частичныхъ способностей и наклонностей. Такъ напримѣръ у меня былъ одинъ идиотъ, лѣтъ 18, по умственному же развитію равнявшійся 3-хъ лѣтнему ребенку съ такимъ же выговоромъ,—но при этомъ онъ обладалъ замѣчательною способностью—разыгрывать различныя пѣсы предъ открытымъ ртомъ ладонями. Ему ничего не стоило схватить мотивъ новаго марша, польки и пр. и тотъ часъ же сыграть на ладоняхъ. Къ игрѣ на инструментахъ былъ безусловно неспособенъ. Психомоторные рефлексy такъ же крайне ограниченны. Идиоты въ большинствѣ избираютъ какое-либо мѣсто и въ немъ пребываютъ. У нѣкоторыхъ рѣчь совершенно отсутствуетъ, нѣкоторые идиоты издаютъ только какіе-то пискливые звуки, у другихъ рѣчь крайне ограничена, такъ что весь лексиконъ ихъ словъ можно пересчитать и онъ оказывается состоящимъ изъ десятка, другого словъ. Если рѣчь нѣсколько и обильнѣе, то часто случается,

что она остается по интонаціи дѣтскою на всю жизнь. Нерѣдко можно находить идіотовъ, которые въ 20—30 лѣтъ говорятъ чисто дѣтскимъ голосомъ и произношеніемъ ребенка 3—5 лѣтъ. Къ пищѣ въ большинствѣ относятся безразлично. Нѣкоторые могутъ умереть съ голоду, если о нихъ не позаботятся другіе. Качество пищи для нихъ такъ же безразлично: они одинаково ѣдятъ обглоданныя кости, выброшенныя кишки и другіе отброски растительной и животной пищи,—иногда поѣдаютъ собственные испражненія. Въ количественномъ отношеніи они не придерживаются той или другой мѣры относительно употребленія пищи. Они могутъ обнаружить крайнюю степень ожорства. Чистота, опрятность, заботливость о внѣшнемъ видѣ и порядочности для идіотовъ понятія почти всегда совершенно несвойственныя. Въ крайнихъ степеняхъ идіотизма всѣ остальные побужденія совершенно отсутствуютъ. Если же идіотъ представляетъ нѣкоторую степень сознанія, то у него могутъ проявляться дѣтская любовь и привязанность, съ другой стороны—ненависть и мстительность. Общее свойство то, что эти качества могутъ быть легко вызваны у того или другого идіота, но также легко и уничтожены. Самый простой поступокъ заставляетъ идіота забыть его любовь или страстную месть. У нѣкоторыхъ идіотовъ очень развиты половыя побужденія, при чемъ они стремятся о выполненіи ихъ самимъ грязнымъ образомъ, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ постороннихъ. У другихъ половыя побужденія вовсе не обнаруживаются. Недостатокъ умственныхъ способностей у идіотовъ часто сопровождается массою другихъ физическихъ недостатковъ и особенностей. Такъ у нѣкоторыхъ постояннымъ спутникомъ являются припадки падучей болѣзни, у другихъ приступы эклампсіи и хорей. У нѣкоторыхъ идіотовъ является особенная наклонность къ гримасничанью, такъ что они напоминаютъ собою гримасы 5—10-дневнаго ребенка,—въ умственномъ отношеніи такіе идіоты тоже недалеко отъ этого возраста. Часто черепъ идіотовъ представляется или слишкомъ увеличеннымъ или слишкомъ малымъ (микроцефалія); у нѣкоторыхъ идіотовъ дефекты костей черепа, чрезъ которые видны пульсирующія части содержимаго. Со стороны органовъ

зрѣнія: косоглазіе, нистагмъ, колобома, рашелины неба и верхней губы, неправильное устройство и расположеніе зубовъ,—полупараличи всего организма, вслѣдствіе недоразвитія центральныхъ извилинъ (случай Андрузскаго). Различныя уклоненія въ устройствѣ костей черепа и лица и соотвѣтственно тому разнообразныя внѣшнія уродства,—такія же уродства въ костяхъ туловища и конечностей. Ростъ идіотовъ идетъ тупѣе роста здоровыхъ людей и не достигаетъ даже средняго роста здоровыхъ людей (Киндъ). У нѣкоторыхъ идіотовъ замѣчаются постоянныя однообразныя колебательныя движенія туловища, однообразныя поющія и бормочащія ноты, выбиванье въ родѣ тка-та,—иные постоянно трясутъ головой, хлопаютъ руками, сильно бьютъ объ стѣну, фыркаютъ и отдуваются,—иные скотоподобно обнюхиваютъ предметы и если тѣмъ имъ не нравятся, то они ихъ отталкиваютъ и отбрасываютъ. Иногда уши идіотовъ бываютъ слишкомъ большими,—руки очень длинными, висячими, какъ у оранга.

Въ дѣтскомъ возрастѣ идіоты обнаруживаютъ во всемъ отсталость, въ сравненіи съ дѣтьми одинаковаго возраста, такъ они позже научаются сосать, а иногда даже и вовсе не выучиваются,—позже начинаютъ ходить, позже выучиваются говорить, хотя и этому всему иногда и вовсе не выучиваются, ростъ ихъ идетъ несравненно тупѣе, чѣмъ у нормальнаго ребенка. Дѣвушки—идіотки нерѣдко расположены къ значительной тучности.

Кретинизмъ. Кретинизмомъ называется идіотизмъ, являющійся эндемически, цѣлыми поселками, и тѣсно связанный съ физическимъ безобразіемъ, именно съ зобомъ. Сентъ-Лаже правъ, говоря, что кретинизмъ безъ зоба то же можетъ являться, какъ, на примѣръ, лихорадка безъ увеличенной селезенки, но эти исключенія слишкомъ рѣдки.

Что касается умственнаго состоянія этихъ больныхъ, то они въ огромномъ большинствѣ представляютъ крайнюю степень идіотизма, степень часто стоящую далеко ниже болѣе развитыхъ видовъ животнаго царства. Но изрѣдка являются между ними и болѣе развитые, съ проявленіемъ развитія отдѣльныхъ способ-

ностей. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что идіотъ—кретинъ Миндъ, за свое искусство рисовать кошекъ, получилъ названіе «кошачьяго Рафаэля». Многія изъ его картинъ хранятся въ картинныхъ галлерейхъ Англіи, Германіи и Россіи (Айрлендеръ) ¹⁾.

Относительно проявленія кретинизма правильнѣе всего воспользоваться весьма интереснымъ въ научномъ отношеніи сардинскимъ отчетомъ. Уже часто послѣ рожденія у нихъ замѣчается маленькій зобъ. Голова больше обыкновенной, неправильной формы, роднички неправильные, глаза мутные, полузакрытые, вѣки тяжелыя опухшія, почти лишенныя рѣсницъ; разстояніе между глазами слишкомъ велико, глаза неподвижные, безсмысленные; кожа сначала прозрачная, затѣмъ желтѣетъ; носъ плоскій; ротъ широкий, языкъ толстый, часто высунутый и отвисшій; крикъ ребенка—кретина рѣзкій, неестественный, ростъ тѣла ихъ подвигается медленно; цвѣтъ кожи темнѣетъ; голова большая; роднички широкіе,—швы часто раздвинутые; глаза свои открываютъ нехотя,—выраженіе лица тупое неподвижное. Они ѣдятъ съ жадностью, остальное время предаются сну, изъ котораго нелегко пробуждаются. Животъ вздутъ и при постукиваніи даетъ глухой тонъ. Конечно небольшихъ размѣровъ и слабы, но иногда совершенно нормальны. Шея толстая, широкая въ большинствѣ обезображенная зобомъ. Вирховъ находитъ, что кожа кретиновъ шире ихъ организма, почему они сидятъ въ своей кожѣ, какъ въ мѣшкѣ. Вмѣсто развитія умственныхъ способностей, у кретина апатія и тупость. Съ возрастомъ медленность роста становится замѣтнѣе. Ростъ зубовъ запоздалый, медленный и часто неправильный,—они часто портятся. Стоять начинаютъ на 2—3 году, ходить на 6—7-мъ, походка неуклюжа, „медвѣжья“,—говорить начинаютъ позже, чѣмъ ходитъ; уши больше нормальныхъ.

Ясное выраженіе кретинизма обыкновенно бываетъ между 4 и 7 годами жизни, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ появляться и у взрослыхъ переселенцевъ (Baillarger).

Въ умственномъ отношеніи дѣлятъ кретиновъ на три разряда; первый, къ которому относятся особы,

¹⁾ Ireland, Идіотизмъ и тупоуміе.

живущія только растительною жизнью и неумѣющія даже говорить (кретины),—второй разрядъ характеризуется нѣкоторыми задатками воспроизведенія и зачатками рѣчи (полукретины),—третій разрядъ составляютъ такія лица, которыя сверхъ того обнаруживаютъ гораздо болѣе разнѣръ умственныхъ способностей,—но недостигающій нормальнаго объема,—это будутъ кретинообразные (*cretineux*).

Кретинизмъ сопровождается иногда экламптическими припадками, гидроцефаліей, апоплексіей, рахитизмомъ, альбинизмомъ и проч. Но между другими заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее явленіе: это полная пріостановка умственной дѣятельности въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, являющаяся ежедневно періодически. При этомъ глаза открыты и неподвижно устремлены въ пространство, или на предметъ,—вѣки безъ движенія, ротъ открытъ, дыханія и другихъ признаковъ жизни почти незамѣтно. Приступы эти происходятъ на эпилептоидные приступы (Гризингеръ).

Lombroso описываетъ разновидность кретинизма (калабаны), которая отличается маленькой головой, высокимъ ростомъ, и отсутствіемъ аномаліи въ костяхъ и щитовидной желѣзѣ, хотя у ближайшихъ родственниковъ зобы бываютъ,—эти калабаны подвижны, дики и непокорны. Калабаны отчасти напоминаютъ кавказскихъ кретиновъ, но послѣдніе съ зобами.

Такъ какъ условія появленія кретинизма рѣзко отличаются отъ условій развитія и появленія идіотизма вообще, то я позволю себѣ здѣсь остановиться на нихъ. Кретинизмъ опредѣляется двумя главными своими свойствами—эндемичностью и сочетаніемъ съ зобомъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть и безъ одного изъ этихъ признаковъ. Такъ, кретинизмъ можетъ появляться отдѣльными случаями, спорадически, но тогда онъ долженъ быть съ зобомъ,—и кретинизмъ, являясь въ какой-нибудь мѣстности повально, въ отдѣльныхъ случаяхъ между ними, можетъ быть и безъ зоба. Главныя мѣстности, гдѣ кретинизмъ у насъ является эндемически, это: Кавказъ и Сибирь. Въ Сибири встрѣчается онъ въ Алтайскихъ горахъ (Томской губерніи), въ особенности въ отрогахъ Саянскихъ и Байкальскихъ и Яблоноваго хребта,—въ Иркутской

губерніи въ долинѣ рѣкъ Иркутъ, Ангарты, Лены и ихъ притоковъ (Э. Шперкъ). На Кавказѣ мнѣ извѣстенъ эндемическій кретинизмъ въ Сванетіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мингреліи. Относительно Ленской долины, докторъ Шперкъ, говоритъ: «я встрѣчалъ, людей страдающихъ или однимъ зобомъ, или одною глухонѣмотой, или кретинизмомъ, или двумя изъ этихъ болѣзней, или, наконецъ, несчастнаго посѣщаютъ всѣ три недуга, и тогда онъ представляетъ существо, подобное намъ, но въ высшей степени изуродованное и въ психической своей жизни далеко стоящее ниже многихъ окружающихъ насъ животныхъ».... Въ этихъ мѣстахъ «населеніе представляется менѣе рослымъ, мало понятливымъ и имѣетъ по большей части желтовато-землистый цвѣтъ лица». То же самое относительно населенія вообще говоритъ и Lombroso. Въ Сванетіи кретинизмъ появляется чаще всего въ ущельяхъ горъ, ущельяхъ, проходимыхъ нерѣдко только въ лѣтніе мѣсяцы, да и то едва проходимыхъ при помощи канатныхъ путей сообщенія. Умственное развитіе и дикость людей въ этихъ мѣстностяхъ трудно отличить отъ такого же состоянія кретиновъ,—но люди эти въ большинствѣ немалого роста, довольно крѣпко сложены и малоголовые.

Кромѣ нашего отечества кретинизмъ встрѣчается въ Швейцаріи, Южной Австріи, Франціи, Германіи, Италіи, Америкѣ и проч.

Таковы же условія существованія кретиновъ и въ Болгаріи, свѣдѣніями о которыхъ я обязанъ крайней любезности проф. М. С. Дринова. Въ Болгаріи кретинизмъ спорадически нерѣдкое явленіе,—эндемически же извѣстенъ проф. Дринову въ одной мѣстности—это въ Софійскомъ окръжьи, Дубницкомъ окръжьи, деревнѣ Пастра на разстояніи 5 часовъ отъ Дубницы и 3-хъ часовъ отъ знаменитаго Рыльского монастыря на рѣкѣ Рыль. Рѣка Рыла беретъ свое начало въ горахъ и оттуда до низу представляетъ замѣчательный по красотѣ почти сплошной водопадъ. Пастра однако лежитъ не на самомъ берегу Рылы, а по косогору въ ущельи, которое образуется съ одной стороны горою Рылою, самую высочайшею въ этой мѣстности. Мѣстность эта крайне бѣдная и печальная. Деревня состоитъ изъ 20—25 дворовъ, въ которыхъ живутъ 32 брачныхъ подружій. Земля этой мѣстности крайне бѣдная и неплодородная. Жители малорослы, худы, блѣд-

ны, тупоумны и всѣ съ зобомъ. Въ 3-хъ часахъ разстоянія отсюда лежитъ Рыльскій монастырь, гдѣ святыя отцы представляютъ полную противоположность съ жителями Пастры,—всѣ они здоровы, прелестно упитаны и вполне благодушествуютъ. Быть можетъ причиною тому служить одна только разница въ мѣстоположеніи. Пастра лежитъ въ самомъ ушьелы горъ, тогда какъ Рыльскій монастырь лежитъ на открытомъ пространствѣ возвышенной мѣстности.

Трудно сказать, какія условія способствуютъ появленію кретинизма въ той или другой мѣстности. Безспорно: кретинизмъ является въ горахъ, преимущественно въ ушьелыхъ горъ, въ мѣстностяхъ съ большимъ количествомъ влаги, съ недостаточнымъ содержаніемъ въ почвѣ и водѣ нѣкоторыхъ химическихъ факторовъ, какъ іода и проч.,—съ избыткомъ въ почвѣ другихъ химическихъ факторовъ, какъ магнезіи, извести и проч.,—быть можетъ даже въ силу какихъ либо міазматическихъ условій.

Что въ подобныхъ случаяхъ условія мѣстности играютъ безспорно серьезное значеніе, это доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швейцаріи лица, поселившіяся уже взрослыми, заболѣвали зобомъ и кретинизмомъ. Извѣстно также, что беременныя, проводящія послѣдніе дни на высотахъ горъ, рожали не кретиновъ. Далѣе, во многихъ мѣстахъ Швейцаріи жители подобныхъ несчастныхъ мѣстъ посылаютъ своихъ дѣтей воспитываться на возвышенныя мѣста и тѣмъ избавляются отъ кретинизма. Извѣстно, что браки между крестинами безплодны. При наслѣдственномъ предрасположеніи къ кретинизму со стороны отца и матери дѣти почти обязательно кретины. Наслѣдственность кретинизма гораздо болѣе опасна со стороны матери, чѣмъ отца. Докторъ Шперкъ подмѣтилъ, что въ Ленской долинѣ расположены были къ наслѣдственности болѣе младшія дѣти, чѣмъ старшія.

Тупоуміе (Imbecillitas).

Тупоумные представляютъ среднее положеніе между идіотизмомъ и вполне умственно развитымъ человѣкомъ. Поэтому и недостатки ихъ будутъ представлять тѣ же

уклоненія отъ нормы какъ и у идіотовъ и только будутъ разниться по степени напряженія этихъ уклоненій.

Со стороны самочувствія тупоумные отличаются равнодушіемъ, безразличіемъ и индифферентнымъ отношеніемъ ко всему окружающему. Они также не обнаруживаютъ собственной инициативы и собственного интереса, а дѣйствуютъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ, постороннихъ побужденій. Но у этихъ больныхъ чаще, чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, можно встрѣчать проявленіе любви и ненависти. Правда, эти проявленія будутъ очень ограничены, но тѣмъ не менѣе все таки обнаруживаются. Тупоумные могутъ приходить въ восторгъ и радостное настроеніе духа, хотя почти всегда изъ за пустяка, могутъ обнаруживать приступы плача, злости, досады, ненависти и мести,—хотя опять таки изъ за пустяковъ. Нужно помнить, что въ болѣе сильныхъ степеняхъ тупоумія проявленія этихъ оттѣнковъ самочувствія бывають относительно рѣдки и господствующимъ состояніемъ будетъ безразличіе и внутренняя пустота. Въ болѣе же слабыхъ степеняхъ тупоумія можетъ быть и преобладающимъ настроеніемъ—веселое или непріятное состояніе самочувствія. Въ этомъ отношеніи тупоумныхъ можно раздѣлить на три отдѣла: индифферентныхъ, благодушныхъ и злыхъ. Но говоря о послѣднихъ двухъ состояніяхъ, нужно добавить, что какъ благодушіе, такъ и злость имѣють въ основѣ своей полное недомысліе. Такъ, благодушный тупоумный будетъ улыбаться и при счастья и при несчастья,—злой тупоумный будетъ злиться и тогда, когда вы накажете его, и тогда, когда вы дадите ему подарокъ. Это будутъ люди глупо-благодушные и глупозлые.—Обнаруженіе бурныхъ приступовъ радости и свирѣпости у тупоумныхъ также возможно и патологичность его почти всегда проявляется въ несоотвѣстствіи между импульсомъ и эффектомъ.

Органы чувствъ тупоумныхъ почти всегда развиты правильно, но только они остаются у такихъ лицъ въ бездѣйствіи, вслѣдствіе полного ихъ безразличія и отсутствія вниманія. Естественно, нельзя говорить также о значительной степени развитія и обостренія способности воспріятія со стороны того или другаго чувства, потому что тупоумные, вслѣдствіе неупражнения, едва

ли даже достигаютъ въ этомъ отношеніи нормы. Иллюзіи и галлюцинаціи обыкновенно не являются, но возникновеніе ихъ, при заболѣваніяхъ тупоумныхъ острыми болѣзнями, свободнѣе, чѣмъ у здоровыхъ людей.

Въ области представленій ограниченное ихъ количество, крайне замедленный ходъ, плохая и недостаточная ассоціація. Обыкновенно представленія эти плохо образуются и быстро исчезаютъ, отсюда у тупоумныхъ крайне ослаблены какъ способность запоминанія, такъ и способность припоминанія. Въ силу этой особенности, т. е. плохого усвоенія и быстрого улетучиванія воспринятаго, тупоумные почти неспособны къ обученію и воспитанію. Помимо присущей имъ въ крайней степени лѣни, бездѣятельности и неповоротливости, тупоумные не въ состояніи воспринять навязываемое имъ, или воспринявъ, быстро забываютъ. Въ этомъ отношеніи особенно плохо даются имъ математическія счисленія. При самомъ тщательномъ и напряженномъ усилии, они часто не въ состояніи бываютъ одолѣть самыхъ начальныхъ правилъ счисленія. Нужно однако сказать, что у нѣкоторыхъ тупоумныхъ развиваются замѣчательныя отдѣльныя способности въ области живописи, музыки, архитектуры, механики и даже математики. Они могутъ усвоивать иностранные языки, но не всегда достаточно ими владѣть. Интересны изслѣдованія Berkhan'a ¹⁾, письма такихъ полуидіотовъ подъ диктовку. При этомъ они дѣлаютъ пропуски словъ, замѣняютъ буквы въ словахъ другими и иногда извращаютъ слова до неузнаваемости. Въ этомъ отношеніи Berkhan ставитъ полную параллель между письмомъ и заиканьемъ полуидіотовъ. Тупоумные весьма легковѣрны. Ихъ можно убѣдить въ очевидной нелѣпости, только слѣдуетъ для этого говорить утвердительно и съ извѣстнымъ количествомъ нахальства. Они также крайне несообразительны и легкомысленны. Обладая кое-какими знаніями, они почти вовсе не умѣютъ примѣнять ихъ, или дѣлаютъ это механически. Они могутъ выучить молитвы, катехизисъ и проч. и рѣшительно не могутъ взять въ толкъ понятія о бо-

¹⁾ Berkhan, Archiv f. Psychiatrie, B. XVI, H. 1.

жествъ и его необходимости. Вообще, въ область отвлеченности они не проникаютъ, или же если и бываетъ это иногда, то тамъ они чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ. Обладая кое-какими знаніями, тупоумные могутъ только повторять ихъ, сдѣлать же собственное начинаніе въ этой области, положить собственную инициативу—это для нихъ немыслимо.

Поступки тупоумныхъ вялы, медленны, лѣнны и неохотны. Ихъ можно приспособить къ немудренному дѣлу, но при этомъ всегда приходится понукать. Они любятъ хорошо поѣсть и потомъ поспать, но работа имъ въ тягость. Въ общемъ видѣ они мало представляютъ какихъ нибудь отклоненій,—въ большинствѣ—это люди съ правильною организаціей.

Нравственное помѣшательство.

Нравственное помѣшательство правильно будетъ разсматривать какъ одно изъ проявленій состоянія вырожденія человѣческаго рода, на томъ основаніи, что у этихъ людей существуетъ значительный пробѣлъ душевной дѣятельности и пробѣлъ этотъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываетъ отъ рожденія. Тѣ же случаи, гдѣ нравственное помѣшательство является благопріобрѣтеннымъ, оно съ правомъ можетъ быть отнесено къ слабоумію. Насъ въ настоящій разъ интересуетъ первое.

Мы знаемъ, что на всѣ наши поступки вліяютъ выводы разсудка или заключеніе и наше желаніе, или чувство пріятнаго или непріятнаго. Въ большинствѣ идетъ борьба между этими дѣятелями. Разсудокъ говоритъ о пользѣ того или другаго обстоятельства, самочувствіе—о пріятности. Окончательный выводъ изъ борьбы этихъ двухъ началъ и будетъ составлять актъ воли. Чѣмъ болѣе человѣкъ умственно развитъ, чѣмъ онъ выше воспиталъ свою мыслительную дѣятельность, тѣмъ чаще у него будетъ перевѣсъ разсудка надъ чувствомъ и страстью. Напротивъ, у людей, стоящихъ на низкой ступени умственного развитія, въ жизни берутъ перевѣсъ страсти надъ разсудкомъ,—и чѣмъ ниже умственное развитіе человѣка, тѣмъ грязнѣе и ниже его страсти, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе онъ бушуютъ

и тѣмъ больше онѣ берутъ перевѣсъ надъ выводами разсудка. Если мы образцомъ умственно развитаго чело-вѣка возьмемъ такого, у котораго разсудокъ беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ и страстью, то, съ другой стороны, должны допустить, что тотъ чело-вѣкъ, у котораго чувство и страсти берутъ перевѣсъ надъ разсудкомъ, долженъ стоять на очень низкой степени умственнаго развитія. И дѣйствительно, такіе люди, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, нерѣдко представляютъ собою переходное звено между чело-вѣкомъ и обезьяною или другими жителями.

Самый узкій эгоизмъ требуетъ исполненія вѣковаго положенія: „люби ближняго какъ самого себя“, и если желаешь, чтобы ближніе твои поступали съ тобою хорошо, поступай и съ ними также. Это основа нравственности самой матеріальной, самой реальной. Идеализмъ идетъ далѣе; но простой реализмъ, выводы самаго холоднаго разсудка обязываютъ выполненіе вышепоставленныхъ положеній. Образцы естественной исторіи, исторіи животнаго царства, крѣпко оправдываютъ вышепоставленныя положенія. Стадныя животныя потому только существуютъ, что они представляютъ собою собирательное цѣлое; интересъ каждой единицы стада—заботиться объ интересахъ и пользѣ всего стада, такъ какъ тѣмъ самымъ соблюдается его личный интересъ. Напротивъ, если какая-либо особь отрывается отъ стада, отдѣляется отъ него, становится особнякомъ, то она въ большинствѣ погибаетъ въ борьбѣ за существованіе, какъ совершенно одинокая и беззащитная единица.

Тоже самое можно и должно отнести и къ чело-вѣческому обществу. Каждая отдѣльная личность, каждая единица общества должна заботиться прежде всего объ интересахъ общества, такъ какъ тѣмъ самымъ соблюдается ея личный интересъ. Чело-вѣкъ, отдѣляющійся отъ общества, становящійся противъ интересовъ общества, не можетъ быть терпимъ въ такомъ обществѣ, онъ долженъ быть удаленъ изъ общества.

Такимъ образомъ законъ взаимной помощи и содѣйствія есть міровой и вѣковой законъ,—и положеніе о взаимной любви, не есть послѣднее слово нравственности. Послѣднее слово нравственности—это лю-

бовъ съ самопожертвованіемъ. Тотъ истинно любить, кто готовъ положить душу свою за своихъ друзей, — вотъ образецъ нравственности. Мы беремъ низшую ступень нравственности, — это начало самосохраненія: если желаешь, чтобы съ тобою были хороши, будь ты съ ними такимъ же.

Но есть цѣлый отрядъ, цѣлая группа людей, которые презираютъ и попираютъ общественный интересъ и выше всего ставятъ свое личное „я“, свои чувственные порывы, свои низкія страсти, свои животныя, пошлыя влеченія и стремленія. Весь міръ существуетъ только для нихъ и они лично только для себя. Такъ какъ въ обществѣ существуютъ извѣстныя условія, ограждающія личныя и имущественныя права каждаго гражданина, то, естественно, лица, не признающія за собою обязанности уваженія общественныхъ правъ, должны являться рѣзкими нарушителями этихъ правъ. И дѣйствительно: пьянство, развратъ, самыя низкія и пошлыя оргіи, азартныя картежныя игры, воровство, грабежъ, насиліе, грубости, цинизмъ, покушенія на убійство и самоубійство, — вотъ собраніе добродѣтелей такихъ лицъ. Въ основѣ ихъ поступковъ лежитъ удовлетвореніе своихъ самыхъ низкихъ, самыхъ грубыхъ и пошлыхъ инстинктовъ и страстей. Чувства благородства, порядочности, семейнаго общественнаго и государственнаго долга для такихъ лицъ пустыя слова, заслуживающія смѣха и презрѣнія.

Во многихъ случаяхъ умственные ихъ способности развиты очень удовлетворительно, — такія лица разсуждаютъ часто здраво, логично и послѣдовательно, но эта логика всегда клонится къ оправданію ихъ грубыхъ и низкихъ порывовъ. Въ ихъ поступкахъ берутъ перевѣсъ всегда чувство и животная страсть надъ разсудкомъ, — разсудокъ является подчиненнымъ началомъ ¹⁾.

Поэтому въ большинствѣ случаевъ приходишь къ тому заключенію, что нравственное помѣшательство есть только лишь низшая степень умственнаго развитія, лежащая между идиотизмомъ и здоровымъ состояніемъ, но скорѣе примыкающая къ идиотизму, чѣмъ

¹⁾ Н. И. Коналевскій, Moral insanity. Моск. Мед. Газ. 1877.

къ нормѣ. Основываю свое мнѣніе на томъ, что, во первыхъ, этотъ психозъ почти всегда имѣетъ въ основѣ психопатологическую наслѣдственность и семейное расположеніе; во вторыхъ, сильное развитіе страстей и чувственныхъ наклонностей; въ третьихъ, самый дурной и низкій характеръ этой чувственности; въ четвертыхъ, полное отсутствіе высшихъ благородныхъ человѣческихъ стремленій и наклонностей и даже издѣвательство надъ ними; въ пятыхъ, полное преобладаніе страстей надъ разсудкомъ и соподчиненіе послѣдняго первымъ, и въ шестыхъ естественное слѣдствіе, дисгармонія между выводами разсудка и волею.

Все это будутъ проявленія умственного и нравственного вырожденія. Всѣ указанные виды идиотизма почти всегда въ основѣ своей имѣютъ неправильное строеніе мозга, унаслѣдованное непосредственно отъ родителей.

Въ большинствѣ случаевъ нравственное помѣшательство наслѣдственно. Родители такихъ больныхъ обыкновенно пьяницы, преступники, сифилитики, люди крайне нервные, эпилептики, душевные больные и пр. Сами они имѣютъ нездоровый мозгъ и своимъ дѣтямъ передаютъ мозгъ болѣзненный, подорванный, неспособный къ правильнымъ отправлениямъ. Семейства этихъ больныхъ часто обнаруживаютъ расположеніе къ пьянству, преступленіямъ, разврату, какъ напримѣръ, въ случаѣ Э. И. Андрузскаго ¹⁾, нейрозамъ и психозамъ. Эта патологическая наслѣдственность отражается на унаслѣдовавшихъ уже съ дѣтства. Такія дѣти обнаруживаютъ эклампсію, при прорѣзываніи зубовъ—судорги, тоже и при лихорадочныхъ приступахъ. Часто у нихъ малокровіе, плохой сонъ, вскрикиваніе во время сна, приступы капризовъ и крайней раздражительности и злости. Нерѣдко внѣшнія очертанія ихъ организма представляютъ уродливости: черепъ угловатый, косой, скулы слишкомъ выдавшіяся, косоглазіе, уклоненія въ строеніи неба, опуханіе лимфатическихъ желѣзъ, общую уродливость и проч. Въ дѣтствѣ они не любятъ своихъ сверстниковъ. Они обижаютъ ихъ, обираютъ,

¹⁾ Э. И. Андрузскій, Современная медицина, Нравственное помѣшательство, 1879.

буютъ и пользуются для себя. Дѣвочки больше любятъ общество мальчиковъ,—мальчики предпочитаютъ общество взрослыхъ, но только пьаныхъ, развратныхъ и безобразныхъ. Они съ особеннымъ удовольствіемъ подслушиваютъ и прислушиваются къ всевозможнымъ скабрезнымъ разговорамъ; точно также съ замираніемъ присматриваются ко всякимъ неприличнымъ и пошлымъ поступкамъ, какъ: къ запрещеннымъ поцѣлуямъ и ко всему тому, что принято дѣлать необщественно. Такія дѣти быстро усвояютъ это и переносятъ на себя. Онализмъ и мастурбація очень раннія ласточки въ ихъ половой жизни. За невозможностью удовлетворить половую потребность естественнымъ способомъ, они прибѣгаютъ къ удовлетворенію на животныхъ,—при возможности удовлетворенія естественнаго, они стараются пользоваться противуестественно. Они съ особеннымъ удовольствіемъ заучиваютъ и употребляютъ пошлыя пѣсни, прибаутки, брань и пр. Въ обращеніи съ людьми: грубы, нахальны, дерзки, лживы и обманчивы. Любятъ рвать, мучить и истязать животныхъ. За особенное удовольствіе считаютъ разорять гнѣзда птицъ, разрывать птенцовъ, мучить поросятъ, давить куръ и цыплятъ и проч. Дѣти людей состоятельныхъ любятъ общество прислуги, лакеевъ, кучеровъ и тѣмъ больше, чѣмъ грязнѣе люди. Нерѣдко они бѣгаютъ изъ родительскаго дома, шатаются съ нищими, знакомятся со всѣми проявленіями безобразной жизни и затѣмъ возвращаются обратно. Воруютъ и ломаютъ цѣнныя вещи изъ любви къ искусству. Украденную вещь не продаютъ и не воспользуются ею, а закопаютъ въ землю. И это ни за что, на пакость. Выкидываютъ самыя дикія и мерзкія выходки противъ людей бѣдныхъ, калѣкъ и обиженныхъ судьбою. Грубая и нахальная ложь рѣшительно безъ всякаго къ тому повода—обыкновенное явленіе въ ихъ жизни. Любовь къ отцу, матери, братьямъ и сестрамъ для нихъ глупыя слова. Нерѣдко еще въ дѣтствѣ, когда это не должно было бы быть въ ихъ головѣ, они мечтаютъ о половыхъ отношеніяхъ матери, или отцу, чѣмъ и выражается ихъ дѣтская любовь къ родителямъ.

Рано они знакомятся съ водкою,—нерѣдко самими родителями и въ компаніи съ ними. Въ слѣдъ за этимъ

идеть развратъ, сифилисъ, карты и послѣдующее воровство. Пьянство и развратъ немислимы безъ денегъ. Состояніе у этихъ людей не можетъ держаться. На помощь являются карты. Карты тоже требуютъ денегъ. На помощь—мошенничество и воровство. Проигралъ—не отдалъ, выигралъ—прокутилъ въ ту же ночь.

Для этихъ людей нѣтъ бога ни въ какомъ видѣ, ни въ образѣ Божества, ни въ образѣ человѣка, ни въ образѣ предмета. Ихъ богъ—ихъ грязная страсть, ихъ животная натура. Денегъ нѣтъ. Укралъ. А что будетъ дальше, на то не смотритъ. Наступаетъ это дальше. Клянется всѣми святыми, клянется спасеніемъ своей полинявшей души, что это не онъ укралъ. Взваливаетъ все на людей невинныхъ. Нельзя отвертѣться—прибѣгаетъ къ самоубійству, —но только къ такому, чтобы не убить себя. Иногда они прибѣгаютъ и къ настоящему самоубійству, но природа почему-то хранитъ это общественное отребье.

Иногда имъ самимъ жизнь не въ жизнь,—на нихъ находятъ приступы страшной тоски и досады. Иногда они испытываютъ невольное, безотчетное побужденіе къ тому или другому проступку или преступленію. Они нерѣдко сознаютъ сами всю нелѣпость, незаконность и отвѣтственность поступка и тѣмъ не менѣе не могутъ удержаться отъ него. Ихъ разсудокъ—рабъ страсти. Рѣдко они женятся. Но у нихъ нѣтъ любви ни къ женѣ, ни къ дѣтямъ. Въ первую же недѣлю измѣняютъ женѣ и въ первый же мѣсяцъ готовы продать ее. Въ семействѣ они варвары, грубы, жестоки и нахальны. Нерѣдко они порываются и успѣваютъ дѣлать половыя насилія надъ собственными дѣтьми. Истязаніе близкихъ—это ихъ страсть. Они люди не семьи, а кутежа, разврата, игорныхъ домовъ, кабаковъ и другихъ публичныхъ мѣстъ. Самый дикій и грязный развратъ составляетъ суть ихъ жизни. Разумѣется, эта жизнь не обходится имъ даромъ. Со всѣхъ сторонъ сыпятся на нихъ побои, избіенія, сбрасыванья съ лѣстницъ и др. подобныя обращенія. Венерическія болѣзни, самыхъ разнообразныхъ видовъ, это ихъ катарръ. Не они заражаются отъ другихъ, а сами всюду являются носителями заразы. Эти люди недолго-

вѣчны, — или они сами себя убиваютъ, или ихъ добиваютъ.

Нравственно помѣшанные не отличаются особенными умственными способностями. Нѣкоторые тупоумны, другіе хотя и съ посредственными способностями, но работать не любятъ. Въ дѣтствѣ годъ за годомъ сидятъ они въ томъ же классѣ и переходятъ изъ училища въ училище, какъ въ послѣдствіи изъ кабака въ кабакъ и изъ тюрьмы въ тюрьму. Иногда у нихъ являются насильственные представленія, какъ напр. въ случаѣ Tamburini и Seppilli ¹⁾. Ихъ умственные способности совершенствуются въ одномъ направленіи — дѣлать гадости и умѣть себя изъ нихъ выгораживать. Вся ихъ умственная область всецѣло зависитъ и подчиняется чувственной сторонѣ и вся мыслительная дѣятельность направлена на защиту и изворотливость своихъ безнравственныхъ стремленій и поступковъ (С. А. Бѣляковъ ²⁾). Это люди хитрые, коварные, лживые, обманщики и воры. Нерѣдко они крадутъ безсмысленно, безцѣльно, для пакости. Правда, ихъ за это быть и быть безсочно, — но преступленій все-таки больше, такъ что они постоянно въ долгу.

Разработка нравственного помѣшательства обязана своимъ происхожденіемъ послѣднему времени и главнымъ образомъ Причарду, затѣмъ рассмотрѣніемъ его занимались усердно особенно англійскіе и французскіе психіатры. Нужно сказать, ни одинъ изъ видовъ помѣшательства не представляется столь затруднительнымъ для пониманія публики, какъ этотъ. И дѣйствительно, положить границу между безнравственностью и патологіею нравственности, между преступленіемъ и порокомъ крайне трудно, и крайне опасно, тѣмъ болѣе, что само понятіе о нравственности есть дѣло условное и всесторонне-растяжимое.

Слѣдуетъ только посмотреть на нравственные понятія дикарей и цивилизованныхъ народовъ, на нравственность сѣверныхъ и южныхъ жителей, на нравственность различныхъ классовъ людей одного государства и проч., чтобы нерѣдко найти совершенно противоположныя понятія и воззрѣнія на нравственность.

¹⁾ Tamburini e Seppilli, *Rivista sperimentale di freniatria*. 1883.

²⁾ С. А. Бѣляковъ, *Нравственное помѣшательство*. Архивъ психіатріи, неврологіи и проч. Т. V, кн. 2.

И вотъ при такихъ условіяхъ приходится еще допускать нравственное помѣшательство. А между тѣмъ оно есть. Въ такомъ случаѣ гдѣ же исходная точка для постановки его въ томъ или другомъ случаѣ?

Главную исходную точку при постановкѣ діагноза нравственного помѣшательства должно представлять общество, въ которомъ живетъ данное лицо. Какъ ни смотрѣть на дѣло, однако каждый долженъ сознаться, что въ основѣ общественной нравственности образованнаго общества лежитъ прежде всего польза общества, на этомъ зиждется жизнь каждаго отдѣльнаго лица, жизнь каждаго отдѣльнаго члена этого общества. Уклоненія отъ этого положенія ведутъ или къ пороку и безнравственности, или къ помѣшательству. И такъ въ основѣ нравственного помѣшательства лежитъ узкій пошлый эгоизмъ; но онъ лежитъ и въ основѣ преступленія и порока, и безнравственности. Чѣмъ же отличаются они другъ отъ друга какъ въ своей психологической основѣ, такъ и въ своемъ проявленіи?

Прежде всего небезынтересно то явленіе, что лица, страдающія нравственнымъ помѣшательствомъ, почти всегда въ основѣ своей имѣютъ цѣлый рядъ предковъ, страдавшихъ или помѣшательствомъ, или эпилепсіей и т. п. Далѣе, рассматривая дѣтство, юношество и періодъ времени, предшествовавшій полному обнаруженію помѣшательства, мы видимъ цѣлый безконечный рядъ различныхъ ненормальныхъ вспышекъ; каждый отдѣльно взятый такой ненормальный поступокъ самъ по себѣ еще ничего не составляетъ, какъ напримѣръ раздираніе маленькихъ животныхъ, шатаніе по дорогамъ съ нищими сына состоятельныхъ родителей и проч., но скупиваніе ихъ обнаруживаетъ очень неблагоприятный эффектъ. Въ основѣ такихъ проявленій лежитъ полный узкій и жалкій эгоизмъ.

Но слово эгоизмъ слишкомъ общее; постараемся разложить его на отдѣльные элементы, изъ которыхъ онъ составляется въ данномъ случаѣ.

По Маудсли ¹⁾ припадки этой болѣзни состоятъ въ извращеніи такъ-называемыхъ нравственныхъ способностей или чувства и воли въ обширномъ значеніи слова, слѣдовательно ощущеній, привязанностей, наклонностей, нрава, привычекъ и поведенія. Но такъ какъ ощущенія лежатъ въ основѣ способности мышленія, то и она не можетъ быть совершенно свободна отъ страданія, хотя можетъ и не быть у больного положительныхъ

¹⁾ Маудсли, 'Физиологія и патологія души.

нелѣпныхъ идей: вторично поражается весь способъ мышления и сужденій.

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ психіатромъ, что дѣйствительно главный фокусъ страданія лежитъ въ чувственной области. Больные этой категоріи своею чувственною стороною вполне примыкаютъ къ низшему разряду животнаго царства. Чувственность и страсти составляютъ удовлетвореніе и цѣль ихъ жизни; всѣ ихъ дѣйствія, вся ихъ жизнь, всѣ ихъ стремленія направляются къ удовлетворенію этой потребности. Далѣе, стоя на очень низкой ступени человѣческой лѣстницы по своимъ душевнымъ качествамъ, они отличаются не только дисгармоніею между силою страстей и вліяніемъ разсудка, но главнымъ образомъ степенью развитія своей чувственности.

Въ этомъ отношеніи нравственно-помѣшанные стоятъ на границѣ между образованнымъ людомъ и представителями высшаго животнаго царства; они, такъ сказать, соединительное звено между человѣческою природою и остальнымъ животнымъ царствомъ. Ни въ одномъ изъ видовъ помѣшательства сравнительно-психологическія и антропологическія данныя не послужили бы такъ разъясненію дѣла, какъ въ нравственномъ помѣшательствѣ.

Чувственная сторона нравственно-помѣшанныхъ отличается своею силою проявленія и характеромъ проявленія.

Вся жизнь этихъ больныхъ представляетъ цѣлый рядъ удовлетворенія своей чувственности и своихъ страстей; они не имѣютъ никакого понятія объ обществѣ, религіи, семействѣ, друзьяхъ, ближнихъ и проч. Центръ ихъ жизни „я“, и это „я“ лежитъ въ удовлетвореніи животной жизни. Умственная область всецѣло подчинена чувственной, вся дѣятельность разсудка направлена на изобрѣтеніе средствъ и способовъ самоудовлетворенія, или для защиты и изворотливости своихъ безнравственныхъ поступковъ. Логика ихъ выводовъ поразительна, можетъ быть, впрочемъ, потому что всѣ умственные способности направлены исключительно къ удовлетворенію и оправданію ихъ эгоистическихъ желаній, говоритъ Маудсли ¹⁾. Двигательная область, какъ послушное орудіе разсудка, въ свою очередь служитъ чувственнымъ прихотямъ и желаніямъ. Въ этомъ отношеніи нравственное помѣшательство низводитъ человѣка на ступень низшихъ животныхъ организмовъ, существующихъ съ цѣлью поддержанія себя и продолженія вида.

Но еще болѣе нравственное помѣшательство характеризуется качествомъ своей чувственности. Пьянство, картежничество, во-

¹⁾ Маудсли, Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.

ровство, развратъ, всевозможныя оргіи, ненормальное удовлетвореніе половой потребности и проч. грязныя и животныя наклонности составляютъ суть жизни такихъ лицъ.

Чѣмъ выше человѣкъ въ средѣ общества, тѣмъ страсти и желанія его выше, разумнѣе и облагоустроеннѣе. Одни тратятъ свои громадныя капиталы на приобрѣтеніе дорогихъ книгъ, инструментовъ, замѣчательныхъ рѣдкостей и проч.; другіе всю жизнь проживаютъ въ своихъ душныхъ кабинетахъ, завѣдомо убивая здоровье изъ-за какихъ-нибудь вычисленій и проч.; иные путешествуютъ тысячи верстъ, рискуя здоровьемъ и цѣлостью жизни изъ-за невѣдомыхъ произведеній природы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ страсти и цѣль жизни воплощаются въ пытливости ума, или наоборотъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что здѣсь умственная область составляетъ ядро жизни.

Въ нравственномъ помѣшательствѣ ядро жизни—удовлетвореніе самымъ грязнымъ, самымъ низкимъ страстямъ. Какъ по характеру, такъ и по силѣ чувственности нравственно помѣшанные далеко уступаютъ даже представителямъ высшаго животнаго царства. Въ семействѣ обезьянъ, кошекъ и собакъ каждый видитъ семейныя отношенія, заботу о воспитаніи и сохраненіи вида, разумныя отношенія къ подобнымъ себѣ и проч. Въ нравственномъ помѣшательствѣ, наоборотъ, мы видимъ непреклонную страсть къ удовлетворенію половой потребности, но стремленія къ продолженію вида вовсе не существуютъ. И въ этомъ отношеніи особенно ярко оправдывается указанный Дарвиномъ законъ „естественнаго подбора“. Такимъ образомъ, какъ по силѣ страстей, такъ и по характеру ихъ, нравственное помѣшательство является чувственнымъ идіотизмомъ въ средѣ человѣческаго общества.

То же самое можно сказать и объ умственной его сторонѣ. Крафтъ-Эбингъ ¹⁾ говоритъ: „Въ интеллектуальномъ отношеніи всегда оказывается дефектъ. Многіе исключительно слабоумны и всѣ безъ исключенія интеллектуально слабы, непродуктивны, неспособны ни къ какому призванію, ни къ какой правильной дѣятельности, обладаютъ въ незначительной мѣрѣ способностью къ развитію, образованію, односторонни, мысли ихъ извращены, сужденія ограничены“.... „У нѣкоторыхъ наблюдается также формальное разстройство способности представленія, урывочное развитіе идей, совершенно своеобразныя ассоціаціи и особенная фиксировка опредѣленныхъ, вызываемыхъ аффектовъ и представленій“.

¹⁾ Крафтъ-Эбингъ, Начала уголовной психологіи. 1874 г.

„Существенное же значеніе имѣть разстройство въ сферѣ представленія, при соединеніи представлений въ высшіе процессы, при образованіи этическихъ элементовъ, и при созиданіи изъ послѣднихъ этической формы, нравственныхъ сужденій и понятій, которыя замѣняются, и то не всегда, абстрактнымъ, формальнымъ знаніемъ права и закона, безъ всякаго этическаго пониманія ихъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ и въ интеллектуальномъ отношеніи нравственное помѣшательство обнаруживаетъ идиотизмъ, допуская, разумѣется, что оно прирождено и унаслѣдовано. Но это далеко не всегда такъ.

Профессоръ Верга ²⁾, по поводу извѣстнаго процесса Аньо-летти, говоритъ слѣдующее: „Бываютъ случаи, гдѣ способность пониманія, память и силлогистическія способности могущественны и активны.

Но дѣло въ томъ, что ихъ гибкій умъ, прекрасная память, способность быстро соображать и пр. идутъ какъ-то въ разрѣзъ съ ихъ собственными поступками. Помѣшанные этой категоріи вообще разсуждаютъ хорошо, а дѣйствуютъ дурно, очень способны наставлять публику своими словами и скандализировать ее своими поступками“.

Въ умственной области лицъ, страдающихъ нравственнымъ помѣшательствомъ замѣчается какая-то обособленность, изолированное развитіе однихъ способностей на счетъ другихъ, нѣтъ полной гармоніи въ развитіи всѣхъ сторонъ; напротивъ, если одна сторона умственныхъ способностей развита очень хорошо, то другая пребываетъ почти въ зачаточно-эмбриональномъ состояніи. Такая односторонность развитія умственной области нравственно-помѣшанныхъ опять-таки служить указаніемъ низкаго положенія ихъ разсудка; даже идиоты и слабоумные не лишены способности односторонняго развитія. „Бываютъ слабоумные (имѣются въ виду слабоумные отъ рожденія), говоритъ Маудсли ³⁾, у которыхъ общій недостатокъ ума сопровождается страннымъ развитіемъ его въ какомъ-нибудь одномъ направленіи; они, напримѣръ, обнаруживаютъ поразительную память къ разнымъ подробностямъ; или же отличаются какими-нибудь особенными механическими талантами; или наконецъ, обнаруживаютъ

¹⁾ Краффтъ-Эбингъ, тамъ же.

²⁾ Andrea Verga, Seconde expertise medicolegale de l'accuse Agnoletti. Annal. medicopsychol. 1875.

³⁾ Маудсли, Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.

хитрость, которая, повидимому, стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ ихъ общей умственной тупостью“. Принимая во вниманіе различныя степени врожденнаго слабоумія, такая односторонность развитія не только не противорѣчитъ общему состоянію нравственнаго помѣшательства, но даже гармонируетъ вполне съ нимъ. Достигая даже самой высокой степени умственного развитія, больные этой категоріи всегда будутъ характеризоваться полною дисгармоніей ума и воли. У нихъ постоянно будетъ рѣзкое противорѣчіе между очень умными рѣчами и очень глупыми поступками; этою способностью они всегда будутъ примыкать къ низшимъ звеньямъ общей умственной человѣческой цѣпи.

Въ большинствѣ случаевъ можно придти къ тому заключенію, что на нравственное помѣшательство нужно смотрѣть какъ на природенную низшую ступень умственныхъ способностей, лежащую между идіотизмомъ и нормою, но скорѣе примыкающую къ идіотизму, чѣмъ къ нормѣ.

О значеніи этого вида помѣшательства я позволю себѣ сказать словами Moreau-de-Tours'a: *C'est de la folie à un degré encore peu élevé, mais c'est toujours de la folie.*

Теченіе, исходъ и предсказаніе. Появившись разъ, идіотизмъ остается на всю жизнь и въ рѣдкихъ только случаяхъ онъ можетъ улучшиться настолько, чтобы сколько-нибудь приблизиться къ болѣе или менѣе нормальному состоянію. Въ этомъ отношеніи болѣе благоприятнымъ онъ является, если въ основѣ лежитъ не наслѣдственность и не такое серьезное пораженіе нервной системы, какъ: эпилепсія, эклампсія, воспаленіе и пр.,—а когда онъ появляется уже въ теченіи развитія и воспитанія, подъ вліяніемъ испуга, незначительной травмы и пр. Въ подобныхъ случаяхъ можно достигнуть если неполнаго поправленія, то по меньшей мѣрѣ приспособленія больного къ дѣлу или занятію по одной отрасли, къ какой онъ будетъ имѣть больше расположенія. Поэтому предсказаніе при идіотизмѣ всегда должно быть очень осторожно и осмотрительно, въ большинствѣ же случаевъ неблагоприятно.

Причины идіотизма. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ наслѣдственность или унаслѣдованіе отъ родителей, особенно пьяницъ ¹⁾, мозговъ уже

¹⁾ Kind, Allgem. Zeitschr. f. Psychiatrie, B. XL, H. 4.

подорванныхъ, патологическихъ. Далѣе различныя заболѣванія плода въ утробѣ матери, дѣйствующія пріостанавливающимъ образомъ на дальнѣйшее развитіе мозга еще до рожденія его на свѣтъ. По рожденіи на свѣтъ также встрѣчается масса неблагоприятныхъ условій, задерживающихъ мозгъ въ эмбриональномъ состояніи, или же если и позволяющихъ развиваться далѣе, то дѣлающихъ его неспособнымъ въ воспріятію и усвоенію. Сюда относятся: эпилепсія, эклямпсія, хорея, воспаленія мозга и его оболочекъ, травматическія поврежденія въ области черепа, преждевременное срастаніе костей черепа, различныя уродства въ области черепа, водянка мозга, частыя заболѣванія лихорадкою, страданіе тифомъ и нѣкоторыми другими острыми болѣзнями и много другихъ условій, имъ же нѣсть числа. Рядомъ съ этимъ существуютъ какія то климатическія, атмосферическія и телургическія условія, которыя ужъ никакъ не даются нашему изслѣдованію и разъясненію. Относительно кретинизма Айрлендеръ говоритъ, что специфическая причина его есть нѣчто заключающееся въ водѣ, атмосферѣ или почвѣ,—или въ той, другой и третьей,—подобно малярійному яду извѣстна только по своимъ дѣйствіямъ на человѣческій организмъ. Во всякомъ случаѣ одно можно сказать, что почти во всѣхъ случаяхъ идиотизма можно найти органическую основу его въ области черепа и его содержимаго, начиная отъ эмбриональнаго состоянія клѣтокъ и оканчивая какими нибудь ничтожными уклоненіями, въ родѣ ассиметріи черепа.

Патологическая анатомія. Патологическія уклоненія при идиотизмѣ могутъ быть самыхъ разнообразныхъ свойствъ, начиная съ пораженія черепа и кончая мозговымъ придаткомъ.

Черепъ можетъ весьма разнообразиться въ своемъ строеніи и конфигураціи, при чемъ болѣе важными можно считать уклоненія въ его объемѣ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть слишкомъ большіе черепа—гидроцефалическіе и слишкомъ малые—микроцефалическіе. Далѣе, черепа могутъ представлять расхожденіе швовъ, плохо сформировавшіеся и несформировавшіеся роднички, довольно значительные дефекты костей,

какъ напริมѣръ въ случаѣ д-ра Андрузскаго ¹⁾, сквозь который можно было прощупывать центральныя извилины правой стороны и вызывать надавливаніемъ приступы эпилептическихъ судоргъ, начинающіеся всегда лѣвою половиною тѣла.

Мозговые оболочки тоже могутъ являться утолщенными, сросшимися, съ бухтообразными выступами и уплотнѣніями.

Но главныя уклоненія, разумѣется, касаются самаго мозга. Въ большинствѣ случаевъ вѣсъ мозга меньше нормы, хотя бываютъ случаи, гдѣ вѣсъ мозга былъ выше нормы. Я самъ наблюдалъ вѣсъ мозга 18 лѣтняго идіота 785 grm. Проф. Мержеевскій описываетъ мозгъ 3-хъ лѣтняго субъекта, который въ оплотнѣломъ состояніи вѣсилъ 221 $\frac{1}{2}$ grm. Часто можно наблюдать ассиметрію въ развитіи мозга—одна половина больше, другая несравненно меньше, такая же ассиметрія и въ образованіи туловища, только противоположной стороны. Во многихъ случаяхъ наблюдаются дефекты довольно большихъ частей полушарій такъ иногда затылочные доли бываютъ слишкомъ укорочены и вслѣдствіе этого мозжечекъ является открытымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мозгъ является удлинненнымъ, какъ у верблюда. Въ послѣднее время мнѣ приходилось наблюдать очень интересный мозгъ идіота, лѣтъ 28, который обладалъ при жизни не болѣе, какъ 15—20 словами. Всѣ эти слова онъ произносилъ не ясно и не отчетливо, за исключеніемъ площадной брани, которую отчеканивалъ какъ не можетъ быть лучше. Мозгъ его вѣсилъ 1187 grm. Лобныя дольки были вытянуты, сжужены и даже заострены,—собственно каждая лобная долька состояла не изъ трехъ извилинъ, а изъ двухъ, третья же—наружная лежала на основаніи мозга и только предъ переходомъ въ лобную восходящую извилину она поднималась наружу и вверхъ. Рейліевъ островокъ состоялъ изъ 9-ти очень рѣзко выраженныхъ, веерообразно расположенныхъ извилинъ. Центральныя извилины были очень тонки и какъ бы со-

¹⁾ Э. И. Андрузкій, Протоколъ засѣд. медіц. секціи общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ 1881.

стояли изъ многихъ отдѣльныхъ островковъ, соединенныхъ между собою узкими полосками мозгового вещества. Роландова, Сильвьева и другія борозды были очень расширены и увеличены,—ассоціаціонные пучки довольно рѣзко выражены. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается эмбриональное расположеніе извилинъ (проф. Мержеевскій, Stark). Въ другихъ случаяхъ весь мозгъ какъ бы состоитъ изъ отдѣльныхъ островковъ или участковъ, соотвѣтственно отдѣльнымъ частямъ локализациі, напоминая въ этомъ случаѣ мозгъ дельфина. По мнѣнію Luys ¹⁾, лобная восходящая извилина наичаще у идіотовъ представляетъ явленія остановки развитія, особенно въ верхней своей части. Въ случаѣ очень сильной атрофіи лобной восходящей извилины, на ее счетъ развиваются затылочные извилины. Вообще по Luys мозги идіотовъ отличаются недостаточнымъ развитіемъ и разграниченіемъ извилинъ. Отношеніе сѣраго и бѣлаго вещества корки полушарій далеко неодинаково для различныхъ случаевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ количество сѣраго вещества бываетъ очень не велико, слой его весьма тонокъ, извилинъ немного, цвѣтъ очень свѣтлый и переходящій скоро въ бѣлое вещество,—въ другихъ, напротивъ, сѣраго вещества значительно больше нормы, слой его очень толстый и цвѣтъ интензивно сѣрый. Во внутреннихъ частяхъ можно наблюдать уклоненія во всѣхъ трехъ видахъ ассоціаціонной системы: дуговыхъ волокнахъ, ассоціаціонныхъ волокнахъ и комиссуріальныхъ волокнахъ: то вполне достаточное ихъ количество, то очень недостаточное, то полное отсутствіе, какъ наприм., *corporis callosi*.

Принято думать, что въ психической жизни играетъ главную роль сѣрое вещество корки, какъ хранилище нервныхъ клѣтокъ и какъ носитель центровъ представленій. На первый взглядъ это положеніе вѣрно. Но оно совершенно опровергается сравнительно анатомическими изслѣдованіями. По изслѣдованію Meynert'a ²⁾, первый поверхностный слой корки состоитъ изъ паукообразныхъ и проч. клѣтокъ нейроглии и содержитъ только ничтожное количество нервныхъ элементовъ. Этотъ слой въ коркѣ человѣка за-

¹⁾ Luys, L'Encephale, 1881.

²⁾ Meynert, Der Bau der Grosshirnrinde, 1869.

нимаеъ очень ничтожную часть толщи, но по мѣрѣ удаленія отъ человѣческаго мозга этотъ слой нейроглии все болѣе и болѣе увеличивается. Отсюда явствуетъ, что толща сѣраго слоя корки не служить еще доказательствомъ большаго или меньшаго количества нервныхъ элементовъ и даже до нѣкоторой степени можетъ служить указаніемъ къ обратному. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая количественное отношеніе сѣраго и бѣлаго вещества у человѣка, собаки, крота и проч. мы лично ¹⁾ пришлося наблюдать слѣдующее явленіе: у человѣка самый ничтожный слой сѣраго вещества по отношенію къ лежащему подъ нимъ бѣлому веществу,—у крота наоборотъ бѣлый слой занимаетъ очень ничтожную пластинку, окруженную въ нѣсколько-кратъ превосходящею его сѣрою корою. Но вмѣстѣ съ этимъ у человѣка поверхностный слой нейроглии имѣетъ ничтожную степень развитія, тогда какъ у собаки, крота и проч. сѣрый слой содержитъ въ себѣ ничтожный слой клѣточного вещества, остальное же занято нейрогліей.

Не малое значеніе въ экономіи умственной дѣятельности играютъ также ассоціаціонные пути бѣлаго вещества. Для умственного богатства недостаточно имѣть большое количество нервныхъ элементовъ, даже вполне культивированныхъ. Нужно имѣть также достаточное количество ассоціаціонныхъ путей, служащихъ для взаимнаго соединенія этихъ нервныхъ элементовъ. Мы знаемъ,—что въ мозгу человѣка для этого служатъ три системы ассоціаціонныхъ путей или волоконъ: 1-е, *fibrae propriae*, служащія для соединенія отдѣльныхъ извилинъ, лежащихъ другъ съ другомъ рядомъ и въ одной изъ той-же долькѣ,—2-е *fasciculi associationes*, какъ: *fasciculus uncinatus*, *f. arcuatus* и другіе, служащія для соединенія отдѣльныхъ долей полушарія и 3-е *fasc. commissuriales*, служащія для соединенія обѣихъ полушарій другъ съ другомъ, *corpus callosum* и проч. Безусловно вѣрно, что въ экономіи умственной жизни количественное и качественное состояніе этихъ путей играетъ чрезвычайно важную роль и отсутствіе или недостаточное развитіе въ мозгу идіотовъ такихъ ассоціаціонныхъ путей имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, давая органическую основу тѣмъ или другимъ нарушеніямъ въ умственной жизни идіотовъ.

У идіотовъ полныхъ, съ крайне недостаточнымъ состояніемъ умственной дѣятельности, иногда можно на-

¹⁾ P. Kowalevsky, Sitzungsber. der k. Akad. der Wissensch., B. LXXXVI, 1882.

блюдать неправильное отношеніе отдѣльныхъ частей мозговой корки. Именно: иногда у этихъ лицъ покрышка представляетъ несравненно болѣе толстый слой, чѣмъ основаніе ея. Подобный случай описалъ проф. Мержеевскій и я лично имѣю у себя подобные же препараты.

Эта аномалія имѣетъ довольно серьезное значеніе. Дѣло въ томъ, что мозговая ножка служитъ главнымъ путемъ для сообщеній мозговой корки съ периферіей организма. По ученію Meynert'a, покрышка (Tegmentum) ножки служитъ преимущественно для прохожденія центrostремительныхъ путей,—основаніе (Basis)—для центробѣжныхъ путей. Это ученіе проф. Meynert'a въ послѣднее время подрывается, но оно не отвергнуто въ достаточной мѣрѣ. Сравнительно-анатомическія изслѣдованія того-же проф. Meynert'a ¹⁾ показали, что отношенія этихъ двухъ частей мозговой ножки неодинаковы у различныхъ животныхъ. Чѣмъ ниже стоитъ животное, тѣмъ болѣе превосходитъ толща покрышки толщу основанія ножки и наоборотъ. У новорожденного человѣка отношеніе покрышки къ основанію 2:1,—у взрослого человѣка 1:1. У крайнихъ идіотовъ я находилъ тоже какъ 2:1. Это отношеніе двухъ частей указываетъ на то, что чѣмъ болѣе у данной особы волевыхъ движеній, психомоторныхъ импульсовъ,—тѣмъ болѣе должно быть развито основаніе ножки, какъ путь центробѣжныхъ или психомоторныхъ актовъ,—и наоборотъ, что мы и видимъ иногда у крайнихъ идіотовъ.

Что касается нервныхъ элементовъ корки, то въ иныхъ случаяхъ они не представляютъ никакихъ уклоненій ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, и только лишь являются безпорядочными въ своемъ расположеніи. Въ другихъ случаяхъ нервные элементы бываютъ правильно сформированны и отличаются отъ нормальныхъ только своею меньшею величиною. Еще въ иныхъ случаяхъ какъ мозговья извилина, такъ и гистологическіе ихъ элементы представляютъ зародышевое состояніе (Stark). Изслѣдованія Луиса показали, что въ корковомъ веществѣ особеннымъ уклоненіямъ подвергается сосудистая система. Количество сосудовъ очень не велико, перивоскулярная стѣнка недостаточно развита, мозговья клѣтки пира-

¹⁾ Meynert, Психіатрія, т. I, 1885.

мидалыныя и многоугольныя находятся въ періодѣ некробіоза, со всѣми явленіями сухости и мумификаціи,—число ихъ уменьшено,—за то увеличено количество интерцеллюлярнаго вещества. Естественно, при такомъ состояніи нервной системы едва ли можно рассчитывать на обширную и значительную дѣятельность ея.

Измѣненія спинного мозга у идіотовъ подверглись достаточному изслѣдованію только въ послѣднее время, но и при всемъ томъ данныхъ въ этомъ отношеніи еще очень мало. Hervonet ¹⁾ описалъ случай идіотизма, при секціи котораго въ спинномъ мозгу найдена была задержка развитія пирамидальнаго пучка. Dr. Steinlecher ²⁾ описала два случая идіотизма съ микроцефаліей, при чемъ въ спинномъ мозгу найдено было въ обоихъ случаяхъ въ шейной области пирамидальныхъ боковыхъ пучковъ несравненно меньшее количество нервныхъ волоконъ, чѣмъ, при сравненіи, въ нормальныхъ мозгахъ однолѣтокъ. Такой же дефектъ она наблюдала и въ Goll'евскихъ пучкахъ. Въ болѣе интенсивномъ случаѣ микроцефаліи были и передніе пучки меньшаго объема, какъ и содержаніе гангліозныхъ клѣтокъ въ переднихъ и боковыхъ рогахъ. Kingsburg ³⁾ нашолъ у микроцефала склерозъ спинного мозга и особенно Голлевскихъ пучковъ.

Леченіе.

Едва ли возможно указать на леченіе идіотизма или возстановленіе пріостановленнаго развитія центральной нервной системы. Можно думать о воспитаніи этихъ лицъ. Но для этого требуются особенныя учрежденія съ особенною системою воспитанія. У насъ они едва начинаютъ зарождаться. — Нужно заботиться объ устраненіи причинъ, обусловливавшихъ идіотизмъ. Этого можно отчасти достигнуть въ случаяхъ идіотизма вслѣдствіе эпилепсіи, травмы, воспаления, эклямпсіи и проч. Для этого употреблять со-

¹⁾ Hervonet, Archives de physiologie, 1884, № 4.

²⁾ Steinlecher, Ueber den anatomischen Befund am Rückenmarke zweier Microcephalen, 1884.

³⁾ Kingsburg, Journal of Nervous and mentale Disease, 1883.

отвѣтственные медицинскія средства. Во всѣхъ случаяхъ нужно заботиться о достаточномъ питаніи, хорошемъ помѣщеніи и человѣческомъ обращеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣтуютъ употреблять іодистый кали, рыбій жиръ и желѣзо. Въ случаяхъ возбужденій—успокаивающія средства. При кретинизмѣ обязательно высѣлять страдальцевъ въ болѣе благопріятныя мѣстности; самыя же прокажонныя мѣстности подвергать осушкѣ и обработкѣ. Опыты въ Швейцаріи, Франціи и проч. показали, что кретинизмъ уменьшается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приняты были мѣры къ улучшенію климатическихъ условій страны.

Судебно-психіатрическое значеніе.

Идіотъ совершаетъ преступленіе или совершенно не понимая того, что это запрещено, что это вредно для другихъ, что это непозволительно, какъ, напр., кража общественнаго овса, или же для удовлетворенія своихъ самыхъ первичныхъ желаній и потребностей. А такъ какъ желанія и потребности идіота ограничиваются удовлетвореніемъ самыхъ простыхъ и грубыхъ, животныхъ потребностей, то и идіотъ въ данномъ случаѣ старается удовлетворить только имъ. Въ послѣднемъ случаѣ играетъ роль ненависть, озлобленіе, месть и удовлетвореніе половой потребности. Слѣдствіемъ этого являются поджоги, истязанія, убійства, растлѣнія, изнасилованіе дѣтей и малюток¹⁾, скотоложство и половыя сношенія съ трупами.

Механизмъ преступленія идіота поэтому бываетъ двоякій: или идіотъ совершаетъ преступленіе, какъ самое обыкновенное дѣло, даже не подозрѣвая и не уясняя себѣ, что это преступленіе и за нимъ слѣдуетъ наказаніе, или же преступленіе носитъ на себѣ характеръ аффекта, изступленія, причомъ очень часто рѣзко выступаетъ все несоотвѣтствіе между вызвавшимъ поводомъ (мотивъ) и послѣдствіемъ его (аффектъ). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ такъ и сквозитъ, такъ и напрашивается вниманію каждаго — безсмысліе, отсутствіе обдуманности и яснаго отчота и сознанія совершаемаго.

¹⁾ П. И. Ковалевскій, Преступленіе идіота, Судебно-психіатрическіе анализы, т. II. 1881 г.

Психозы вырожденія.

Отличительная черта психоза—это пораженіе мыслительной дѣятельности, выражаемое анатомически пораженіемъ корковыхъ областей полушарій мозга. Но это не значитъ, чтобы при психозѣ другія области душевной дѣятельности и другія доли ея органа оставались цѣлыми. Напротивъ, почти во всѣхъ случаяхъ и они также подвергаются различнымъ пораженіямъ, только въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ менѣе. Во многихъ случаяхъ дѣло стоитъ даже такъ, что пораженіе начинается именно въ области чувствительной и двигательной и составляетъ чистый неврозъ и за тѣмъ только въ послѣдствіи къ нимъ присоединяется пораженіе мыслительной области и болѣзнь принимаетъ картину психоза. Тщательное изученіе случаевъ душевнаго расстройства въ послѣднее время показало, что существуетъ много лицъ, которыя долгое время носятъ въ себѣ только лишь расстройство нервной системы вообще безъ пораженія мыслительной области. Это то состояніе, которое извѣстно, подъ именемъ «нервности», «нервной слабости», «нейрастеніи», «нервной раздражительности», «нервной раздражительной слабости» и пр. Почти всегда это состояніе получается больными отъ своихъ родителей—душевно—и нервно-больныхъ, пьяницъ, сифилитиковъ, преступниковъ, хроническихъ больныхъ и пр. Такимъ образомъ это состояніе нервной раздражительной слабости есть состояніе наслѣдственное и врожденное и весьма только въ рѣдкихъ случаяхъ оно можетъ быть благопріобрѣтеннымъ, вслѣдствіе пьянства, сифилиса, травмы черепа въ молодые годы и пр. Въ однихъ случаяхъ нервная раздражительная слабость можетъ оставаться сама по себѣ всю жизнь, то появляться, то исчезать. Въ другихъ случаяхъ она можетъ идти далѣе и захватывать высшія душевныя способности, какъ мыслитель-

ную область. Но захваты эти бывают при этомъ слишкомъ кратковременны и скоропроходящи, какъ бы мимолетомъ. Являются тѣ или другія психическія расстройства на нѣсколько минутъ или часовъ и затѣмъ исчезаютъ, оставляя за собою возможность чрезъ больший или меньшій промежутокъ времени появиться опять. Расстройства эти обнаруживаются обыкновенно въ видѣ приступовъ различныхъ сортовъ страха, боязни, тоски, насильственныхъ представлений и пр. Но при этомъ еще не бываетъ стойкихъ и длительныхъ расстройствъ умственной дѣятельности въ видѣ формальнаго психоза.

Наконецъ въ третьихъ случаяхъ нервная раздражительная слабость, то послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени второго періода, приступа острыхъ психозовъ, то непосредственно безъ него переходитъ прямо въ стойкій психозъ, въ большинствѣ случаевъ—первичное помѣшательство, психозъ характеризующійся главнымъ образомъ тѣмъ, что главную основную черту его составляетъ поражение мыслительной дѣятельности первично. Приступая къ изложенію первичнаго помѣшательства, я считаю нелишнимъ коротко изложить проявленіе первыхъ двухъ стадіевъ, чтобы чрезъ это хотя до нѣкоторой степени, выяснить развитіе и механизмъ этого развитія первичнаго помѣшательства. Поэтому эта глава будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: А. Нервная раздражительная слабость; В. Состоянія насильственныхъ явленій и С. Первичное помѣшательство.

1) Neurostema

А. Нервная раздражительная слабость.

Нервная раздражительная слабость является наслѣдственно. Родители такихъ больныхъ психопаты, нейропаты, въ большинствѣ случаевъ пьяницы, сифилитики, преступники, развратники, чахоточные, истощенные больные и пр. Въ немногихъ случаяхъ картина нервной раздражительной слабости можетъ являться самостоятельно, неунаслѣдованною. Въ такихъ случаяхъ въ основѣ болѣзни продолжительныя заболѣванія организма въ теченіи долгаго времени въ дѣтскомъ возрастѣ, плохія условія физическаго и нрав-

13

ственного развитія, неумѣренное пьянство, сифилисъ, половыя излишества и необыкновенная напряженность жизненной дѣятельности. Beard ¹⁾ полагаетъ, что эта болѣзнь свойственна преимущественно америкѣ, гдѣ жизнь идетъ необыкновеннымъ путемъ. Менѣ нервная слабость свойственна англійи и франціи, — и еще менѣ другимъ континентальнымъ государствамъ. Малая частота появленія этой болѣзни, по его мнѣнію, была причиною, что въ такихъ государствахъ, какъ германія, гдѣ наука особенно движется впередъ, эта болѣзнь оказывается мало изученною.

Слѣдовало бы ожидать, что въ нашемъ отечествѣ, эта болѣзнь будетъ совершенно неизвѣстна. Но это вполнѣ неправильно. И въ россіи мы встрѣчаемъ массу людей, представляющихъ явленія нервной слабости и дальнѣйшихъ ея проявленій.

Уже съ дѣтства такіе больные обнаруживаютъ расстройства въ нервной области. Это дѣти хилые, малокровные, капризные, склонные къ частымъ судорогамъ. Часто такіа дѣти по ночамъ просыпаются и плачутъ, — видятъ безпокойныя сновидѣнія, склонны къ галлюцинаціямъ при засыпаніи и просыпаніи, а также къ кошмарамъ. Прорѣзываніе зубовъ и переходъ на обыкновенную пищу имъ не обходится безнаказанно. Подростая, они очень любятъ сказки, особенно на ночь. Послѣ прослушанныхъ сказокъ, они зарываются въ одѣяльце и долго не спятъ, воображая себя однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ сказокъ и продолжая ходъ сказки уже при помощи собственной фантазіи. Скоро у нихъ развивается страсть къ мечтательности и фантазіи. Они любятъ уединяться и предаваться своимъ излюбленнымъ картинамъ. Общество дѣтей имъ не нравится, — въ большинствѣ они толкуются около взрослыхъ. Въ характерѣ такихъ дѣтей замѣчается неровность, капризы, частые вспышки гнѣва, плача и радости отъ ничтожныхъ причинъ. По ночамъ частыя просыпанья во снѣ и подергиванія мускуловъ и чувство паденія въ бездну. При обученіи они больше увлекаются предметами, въ которыхъ преимущественно фантазія и память, чѣмъ разсудокъ, почему они

¹⁾ Beard, *Nerwenschwäche*, 1881.

больше любятъ исторію, чѣмъ математику и другія точныя науки. Больше предпочтенія они отдаютъ музыкѣ, пѣнію, живописи, чѣмъ предметамъ научнымъ. При обученіи у иныхъ оказываются способности очень хорошія, они быстро усваиваютъ заучиваемое и не тяготеютъ своими уроками,—хотя часто очень быстро и забываютъ усвоенное. Другіе, напротивъ, обладаютъ очень туповатыми способностями. Много труда и усилія требуется для усвоенія несчастнымъ уроковъ. Иногда при этомъ у дѣтей можно замѣчать нѣкоторыя странности, такъ Краффтъ-Эбингъ ¹⁾ передаетъ объ одномъ мальчикѣ, что онъ, прежде чѣмъ начать свои уроки, всегда обращался къ дворецкому съ умоляющей просьбой отвѣтить ему словомъ «да» на вопросъ въ состоянн ли онъ приготовить свои уроки. Какъ скоро «да» получалось, онъ спокойный и веселый принимался за работу. Иногда дворецкій, пораженный нелѣпостью просьбы, рѣшался сказать «нѣтъ», тогда бѣдный ученикъ приходилъ въ страшное возбужденіе, бросался изъ угла въ уголъ по комнатѣ, стоналъ и рѣшительно былъ не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ; въ такихъ случаяхъ дворецкій снова успокаивалъ его, говоря: успокойся—ты вполне можешь приготовить свои уроки,—и пошутить только, сказавъ «нѣтъ»,—возбужденіе стихало и въ теченіи часа исчезало безслѣдно.

Часто такіе дѣти, вмѣсто классныхъ занятій, предпочитаютъ блуждать по полямъ, лѣсамъ и пр. въ одиночку, предаваясь своимъ излюбленнымъ мечтаніямъ объ америкѣ, лѣсахъ, шайкахъ разбойниковъ. Часто у такихъ лицъ особенно развита наклонность къ предчувствіямъ, предвѣденію, суевѣрію и символизаци. Во многихъ случаяхъ они смѣшиваютъ плодъ своей фантазіи съ дѣйствительностью и придаютъ ей реальное значеніе. Иногда даже при полномъ сознаніи что это фантазія, они не хотятъ съ нею разстаться и реализируютъ. Особенно рѣзко выражаются болѣзненные состоянія въ періодъ появленія менструацій и полового созрѣванія у мальчиковъ. Въ это время могутъ появляться иллюзии и галлюцинаціи, приступы страха,

¹⁾ Краффтъ-Эбингъ, Насильственные явленія. Сборникъ Судебной Медицины и пр. 1878 г.

отчаянія, тоски и проч. Болѣзненные проявленія нервной слабости такъ разнообразны въ зрѣломъ возрастѣ, что я рѣшаюсь изложить ихъ по системамъ.

Въ чувствительной области: анестезіи и гиперестезіи. Такъ, часто является нечувствительность цѣлыхъ органовъ, или отдѣльных мѣстъ: плеча, спины, полу-головой и пр. Другой разъ являются болѣзненные ощущенія кожи головы, такъ что болѣзненно даже прикоснуться къ волосамъ, болѣзненность десенъ и зубовъ, болѣзненность и даже невозможность дотронуться вла-галища, позвоночника и пр. Иногда ощущаются стрѣляющія боли въ конечностяхъ, тяжесть и неловкость въ членахъ при движеніи,—ощущенія жара и холода въ кожѣ, ползанья мурашекъ, терпкость и одеревенѣлость,—невралгіи, болѣзненность и разбитость всего организма, скоропроходящая слабость и упадокъ силъ всего организма. Со стороны зрѣнія иногда очень сильное обострѣніе, другой разъ, напротивъ въ глазахъ появляется туманъ, потемненіе, искры въ глазахъ, летающія мушки, шумъ въ ушахъ, звонъ, усиленная способность къ воспріятію обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній. Особенная идіосинкразія къ различнымъ пахучимъ и вкусовымъ веществамъ, такъ нѣкоторыя не въ состояніи переносить запаха сигаръ, мошуса, валеріаны, фіалокъ, малины, — вкуса сладкаго и проч. Съ другой стороны у такихъ лицъ часто является непреодолимое влеченіе къ нѣкоторымъ вкусовымъ и пахучимъ веществамъ. Такъ у нѣкоторыхъ является страстное желаніе зимою ѣсть малину, при чемъ неудовлетвореніе этого позыва влечетъ за собою недовольство, раздражительность, сварливость и волненіе. Иногда подобныя побужденія бываютъ самыхъ нелѣпыхъ свойствъ. Такъ мнѣ извѣстна одна больная, которой ужасно хотѣлось попробовать крови одного изъ профессоровъ. Часто у больныхъ появляются особенныя ощущенія въ области головы: пустота, давленіе, стискиванье, какъ клещами, торчанье гвоздя, царапанье, переливанье чего-то жидкаго, клеванье ципленка, совпадающее съ пульсовымъ біеніемъ, стукъ въ головѣ, біеніе пульса, шумъ, какъ ветерокъ, совпадающій съ пульсомъ и пр. Иногда являются сильные приступы головныхъ болей, мигрени, прозопалгіи, го-

ловокруженія и пр. Больные очень чувствительны къ переменамъ погоды и по незначительнымъ колебаніямъ атмосфернаго давленія способны предсказывать измѣненія въ погодѣ. Вообще же со стороны органовъ чувствъ замѣчается усиленіе возбудимости и воспріимчивости, или нѣкоторая степень гиперестезіи. По изслѣдованіямъ Buccola ¹⁾ minimum реакціоннаго времени у такихъ больныхъ выше, чѣмъ у здоровыхъ людей.

2) Въ двигательной области у этихъ больныхъ замѣчается повышеніе рефлексовъ и очень ослабленная поддерживающая способность къ проявленію рефлексовъ. Движенія вообще порывисты и быстры, но рядомъ съ этимъ быстрая же утомляемость, слабость и неспособность къ проявленію дѣятельности. По временамъ наступаютъ приступы такой слабости, что больной неспособенъ ни къ какому движенію. Это состояніе длится нѣсколько минутъ, часъ или два и затѣмъ все проходитъ. Часто у больныхъ замѣчается подергиваніе отдѣльных мускуловъ и органовъ, какъ во время сна, такъ и въ бодрственномъ состояніи. Иногда спазмъ глотки, гортани, кишечника и пр. Часто замѣчаютъ у такихъ больныхъ, при крѣпкомъ тѣлосложеніи и здоровомъ видѣ, очень тихій голосъ, какъ у глухихъ, но при этомъ никакого нарушенія со стороны слуха (Beard). Часто замѣчаются конвульсивныя движенія во время засыпанія. Къ труднымъ и тяжелымъ работамъ такіе больные почти неспособны. Взявшись за что нибудь, они сначала работаютъ съ жаромъ, но затѣмъ чувствуютъ разбитость, усталость и неспособность къ продолженію. Вообще эти больные не имѣютъ достаточно выдержки и настойчивости. Они съ ожесточеніемъ набрасываются на различныя предпріятія, занятія и работы, но почти никогда не доводятъ ихъ до конца и схватываются за другое.

Въ умственномъ отношеніи не замѣчается никакихъ формальныхъ расстройствъ. Нѣтъ ни бессмысленныхъ и безумныхъ представленій, ни насильственныхъ и фиксированныхъ представленій. Количество и ассоціація представленій также повидимому не поражены

¹⁾ Buccola, Centralblatt f. Nervenheilkunde, 1882, № 62.

равно какъ и память безъ особыхъ дефектовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно подмѣтить и такія явленія, которыя хотя свойственны и здоровому состоянію, но по напряженности своего проявленія болѣе подходятъ къ патологическому. Такъ прежде всего у нихъ часто бываетъ нарушеніе вниманія. Въ иныхъ случаяхъ они бываютъ слишкомъ отзывчивы на всякое малѣйшее раздраженіе. А такъ какъ въ каждую единицу времени мы имѣемъ массу внѣшнихъ раздраженій, то такіе больные теряются, бросаются отъ одного къ другому и расходуютъ свои силы настолько, что въ концѣ концовъ не воспринимаютъ ни одного въ достаточной мѣрѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этого съ одной стороны недостаточное усвоеніе ощущений и образованіе представленій, а съ другой стороны усиленіе раздражительности и порожденіе дурного настроенія духа и недовольства. Бываютъ случаи и такіе, что больные, при самомъ искренномъ желаніи, при сознаніи крайней необходимости сосредоточить свое вниманіе на томъ или другомъ дѣлѣ,—рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать. Они ясно сознаютъ, какъ ихъ мысли уклоняются въ другую сторону и они ничего не могутъ подѣлать съ собою. Послѣдствіе — раздражительность и недовольство. Часто эти больные не могутъ долго заниматься усидчивымъ умственнымъ трудомъ, такъ какъ послѣдній вызываетъ усталость и неспособность къ занятію. Иногда на больныхъ находятъ какъ бы какое умственное затмѣніе: двадцать разъ они читаютъ одно и тоже мѣсто и не могутъ уяснить себѣ, что все это значить. Они бросаютъ. Проходитъ нѣсколько часовъ, день и они вдругъ ясно уразумѣваютъ то, чего они не могли понять. Теперь выяснилось само собою, безъ всякаго напряженія то, чего они не въ состояніи были уяснить при крайнемъ напряженіи. Такіе больные очень легко подчиняются чуждому мнѣнію. Утромъ они подчиняются одному, вечеромъ другому совершенно противоположному мнѣнію. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнѣнія у нихъ нѣтъ и они постоянно у кого-нибудь подъ башмакомъ. Но рядомъ съ этимъ у нихъ проявляются отдѣльные мысли и поступки, выходящіе изъ ряда обыкновеннаго.

Это какъ бы протестъ противъ насилія надъ ними, но протестъ дикій, безсмысленный и ненормальный. Больные эти мало склонны къ строгому мыслительному процессу, — они съ большимъ наслаждёнiемъ и большимъ удовольствiемъ живутъ образами чувствъ, мечтанiй и фантазiи. Эти больные предпочитаютъ работу субкортикальныхъ центровъ работѣ корки. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность къ умственному труду и несвѣжесть головы.

Самочувствiе этихъ больныхъ очень измѣнчиво, то они веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бываютъ раздражительны, недовольны и сварливы безъ всякаго видимаго повода. Иногда на нихъ нападаютъ приступы страха, тоски, отчаянiя и безотчетнаго недовольства. Иногда они испытываютъ состоянiе самочувствiя, совершенно непонятное для здороваго человѣка, такъ одна больная жаловалась, что она въ такомъ настроенiи духа, какъ бы была до потопа. Трудно себѣ уяснить такъ же свинцовое, мѣловое и ватное настроенiе самочувствiя. Часто эти больные бываютъ капризны, придиричивы и лживы. Испытывая то или другое состоянiе, они увеличиваютъ его, часто прибавляютъ небывалое, смѣшиваютъ все вмѣстѣ и за тѣмъ сами вѣрятъ и убѣждаются въ томъ, какъ бы въ дѣйствительномъ и правдивомъ. Больные эти бываютъ крайне недовѣрчивы, скрытны и подозрительны. Въ поступкахъ этихъ больныхъ въ большинствѣ можно замѣтить преобладанiе чувства и страсти надъ разсудкомъ. Иногда они впадаютъ совершенно безпричинно въ безпокойство, волненiе и крайнее возбужденiе.

Въ общемъ состоянiи этихъ больныхъ замѣчается: потеря аппетита, или аппетитъ очень усиленный, или аппетитъ извращенный—позывъ на несѣдомыя или невозможныя по времени и мѣсту вещества. Иногда бываетъ частое измѣненiе въ цвѣтѣ лица, то краснота, то блѣдность. У нѣкоторыхъ больныхъ бываетъ временный приливъ крови къ конъюнктивѣ. Часто зрачки глазъ представляютъ неравномѣрность, то одинъ, то другой шире, но эти явленiя непостоянны. Иногда замѣчаются особенныя измѣненiя въ выраженiи глазъ, которыя вѣроятно обусловливаются мускульною на-

пряжностью. Часто эти больные страдают безсонницей, при чемъ или долго не засыпають, или часто просыпаются. Иногда послѣ сна не чувствуютъ свѣжести и бодрости, а напротивъ разбитость и усталость. Часто сонъ сопровождается сновидѣніями и кошмарами. Иногда у больныхъ, наоборотъ, сонливость. У нѣкоторыхъ больныхъ замѣчается сердцебіеніе, замираніе сердца, сжатіе сердца, сердечная пустота и пр. Иногда больные ощущають біеніе пульса во всемъ организмѣ. Anjel ¹⁾ экспериментально доказалъ неустойчивость вазомоторовъ нейрастениковъ.

Разумѣется, всѣ эти явленія бывають не во всей своей полнотѣ и цѣлости и далеко неодновременно. Часто бывають случаи нервной слабости, когда очень многихъ изъ этихъ явленій вовсе и не бываетъ. Вообще картина нервной раздражительной слабости бываетъ очень разнообразна въ зависимости отъ сочетанія и присутствія тѣхъ или другихъ явленій. Оказывается, что почти нѣтъ органа, въ которомъ не было бы пораженія въ томъ или другомъ случаѣ нервной слабости. Не представляя собою психоза, эта нервная слабость представляетъ патологическую почву, изъ которой могутъ развиваться самыя разнообразныя проявленія нервныхъ и психическихъ уклоненій. Отсюда могутъ развиваться нервозы и психозы вырожденія, какъ: патолобія, насильственные представленія, эпилепсія, истерія, ипохондрія, нравственное помѣшательство, первичное помѣшательство и пр.

Краткій обзоръ признаковъ нервной раздражительной слабости показываетъ, что они захватываютъ всѣ области душевной дѣятельности. Въ зависимости отъ того, въ какой изъ нихъ усилятся тѣ, или другія болѣзненные явленія, въ дальнѣйшемъ разовьется тотъ или другой нервозъ или психозъ. Такъ, если у больного патологическія уклоненія пріимутъ особенно усиленное развитіе въ области судорожной и спазматической, то въ концѣ концовъ можетъ развиваться истерія, которая въ свою очередь можетъ въ послѣдующемъ теченіи дать первичное помѣшательство.

¹⁾ Anjel, Archiv f. Psychiatr. und Nervenkrank. B. XV, H. 3.

Въ другихъ случаяхъ на основаніи малокровія и общей нервной расшатанности развивается общая болѣзненность организма въ видѣ ипохондріи, которая легко переходитъ въ ипохондрическое состояніе и ипохондрическое помѣшательство.

Еще въ иныхъ случаяхъ, при безхарактерности и умственной и нравственной несдержанности, такіа лица становятся пьяницами, развратниками, мошенниками и первой руки негодяями. Еще въ иныхъ случаяхъ на почвѣ нервной раздражительной слабости можетъ развиваться эпилепсія, которая, въ свою очередь, помимо даваемыхъ психозовъ свойственныхъ эпилепсіи, можетъ также дать первичное помѣшательство.

Еще въ иныхъ случаяхъ на почвѣ нервной раздражительной слабости можетъ развиваться патологія, которая въ послѣдствіи также можетъ перейти въ первичное помѣшательство въ видѣ импульсивнаго помѣшательства или помѣшательства сомнѣнія — *Folie du doute*.

Наконецъ на той же почвѣ могутъ явиться насильственные представленія, которыя Westphal называлъ абортивнымъ помѣшательствомъ и которыя, какъ въ настоящее время безусловно доказано, могутъ переходить въ первичное помѣшательство.

Такимъ образомъ нервная раздражительная слабость есть фонъ, на которомъ можетъ сочиняться какой угодно патологическій узоръ состоянія вырожденія въ зависимости отъ условій, въ которыя поставленъ будетъ тотъ или другой больной.

Что касается теченія болѣзни, то она присуща почти всей жизни. Начинается она съ дѣтскаго возраста и закончиться можетъ только въ старости отъ смерти. Разумѣется, это не значить, чтобы она была всю жизнь. Это значить только, что она можетъ являться во всѣхъ возрастахъ. Но чаще всего она обнаруживается отъ 15 до 40 лѣтъ. Идетъ она обыкновенно волнообразно, то улучшаясь, то ухудшаясь. Моментами служащими къ ухудшенію могутъ быть наступленіе періода половой зрѣлости, наступленіе половыхъ сношеній, беременность съ послѣдствіями, пьянство, нравственные потрясенія и пр. Относительно пола нужно сказать, что эта болѣзнь поражаетъ какъ муж-

чинъ, такъ и женщинъ одинаково. Общій видъ и тѣлосложеніе также не всегда имѣютъ значеніе,—нервная раздражительная слабость можетъ являться какъ у людей малокровныхъ, слабыхъ и истощенныхъ, такъ и у людей крѣпкихъ и упитанныхъ. Можно замѣтить одно, что эта болѣзнь болѣе свойственна городскому населенію, чѣмъ сельскому и вообще людямъ имѣющимъ много дѣла и много хлопотъ. Время года, по видимому, не имѣетъ большаго значенія въ развитіи и теченіи болѣзни,—хотя осень нельзя назвать временемъ особенно благоприятнымъ для нервной раздражительной слабости.

Сущность нервной раздражительной слабости.

Смотря на массу признаковъ, появляющихся при нервной раздражительной слабости, желательно было бы знать, въ чемъ состоитъ сущность нервной раздражительной слабости?

Терминъ это не новый. Впервые, если не ошибаюсь, онъ былъ употребленъ по отношенію къ истеріи. За тѣмъ этотъ терминъ употреблялся Меунерт'омъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова.

Въ короткихъ словахъ нервная раздражительная слабость состоитъ въ усиленномъ воспріятіи внѣшнихъ раздраженій, ослабленіи сдерживающихъ центровъ мышленія, быстромъ и множественномъ появленіи рефлексовъ и быстромъ истощеніи нервной дѣятельности. Beard¹⁾ полагаетъ, что вся болѣзнь состоитъ въ обѣдненіи нервной силы (nerve-force), вслѣдствіе недостаточнаго питанія нервной ткани.

Въ сущности однако это объясненіе, какъ слишкомъ недоказано, такъ и съ другой стороны ничего не доказываетъ.

Интересно было бы знать, какіе центры при этомъ поражаются, если нельзя знать при современныхъ средствахъ и способахъ изслѣдованія въ чемъ состоитъ сущность этого пораженія.

Въ 60-хъ годахъ нашъ извѣстный физиологъ и великій мыслитель проф. И. М. Сѣченовъ²⁾ издалъ небольшую книжку „Рефлексы головного мозга“. Эта небольшая по объему книжка содержитъ въ себѣ прекрасно изложенную психологію на физиологическихъ началахъ. По ученію этой книжки нѣтъ ни вольныхъ, ни невольныхъ поступковъ и движеній, а существуютъ только рефлексы, то болѣе простые, то болѣе сложные. Въ головномъ

¹⁾ Beard, l. c.

²⁾ Сѣченовъ, Психологическіе этюды.

мозгу проф. Сѣченовымъ и его учениками указаны были центры, которые имѣли огромное вліяніе на проявленіе этихъ рефлексовъ. Одни изъ этихъ центровъ задерживали и тормозили рефлексы, другіе, напротивъ, усиливали. Раздраженіе задерживающихъ рефлекторныхъ центровъ влекло за собою пріостановку рефлекторной дѣятельности,—параличъ же этихъ задерживающихъ или регулирующихъ центровъ, напротивъ, обусловливалъ усиленіе рефлекторной дѣятельности.

Это ученіе съ чисто физиологической точки зрѣнія встрѣтило нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Но какъ психологическое ученіе оно оказываетъ и, думаю, окажетъ въ будущемъ неоцѣнимую услугу. Для насъ важно то, что въ головномъ мозгу существуютъ центры, которые управляютъ нашими движеніями и поступками. Въ однихъ случаяхъ они могутъ усиливать рефлекторный эффектъ, въ другихъ случаяхъ они могутъ подавлять его и сводить на нуль. Такіе задерживающіе или регулирующіе центры—есть центры мыслительной дѣятельности.

Въ 70-хъ годахъ другой великій учоный, анатомъ и психіатръ, проф. Meynert, дополнилъ ученіе проф. Сѣченова и какъ бы снабдилъ его анатомическою основою.

Цѣлымъ рядомъ анатомическихъ работъ проф. Meynert старался доказать свое ученіе о дѣятельности головного мозга. По его мнѣнію въ головномъ мозгу существуютъ главнымъ образомъ два рода центровъ: центры сознанія и мышленія—это корка и рефлекторные центры—субкортикальные центры—*Thalamus opticus* и *Corpor. quadrigemina*. Эти центры всегда находятся въ постоянномъ антагонизмѣ между собою: усиленная дѣятельность кортикальныхъ центровъ дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на центры субкортикальные или рефлекторные. Напротивъ, ослабленіе дѣятельности кортикальныхъ центровъ обусловливаетъ повышеніе дѣятельности субкортикальныхъ или рефлекторныхъ центровъ. Эксперименты Schiff'a показали, что вырѣзываніе корки полушарій съ *Nucleus caudatus* и *N. lentiformis* не лишало животнаго движеній, но только движенія эти будутъ рефлекторнаго характера.

Теперь когда мы видимъ болѣзненное состояніе, въ которомъ усилена рефлекторная дѣятельность и ослаблена сила, дѣйствующая задерживающимъ образомъ на рефлексы, то мы въ правѣ предположить, что въ данномъ случаѣ или дѣятельность кортикальныхъ центровъ на субкортикальные ослаблена, или же эти центры разединены и дѣйствуютъ болѣе или менѣе независимо другъ отъ друга. Въ одной изъ прежнихъ своихъ ра-

боть¹⁾ и высказалъ мнѣніе, что въ основѣ нервной раздражительной слабости лежитъ подавленность задерживающихъ центровъ или мыслительной дѣятельности, слѣдствіемъ чего является повышеніе чувствительной воспримчивости, повышеніе дѣятельности чувственной или страстной области и повышеніе двигательныхъ простыхъ и сложныхъ рефлексовъ и сосудодвигательныхъ рефлексовъ.

Въ настоящее время проф. Meynert въ своей недавней работѣ переводить это на анатомическій языкъ. Онъ говоритъ, что раздражительная слабость объясняется ослабленіемъ дѣятельности корки и раздраженіемъ или усиленіемъ дѣятельности субкортикальных центровъ²⁾.

Такимъ образомъ сущность нервной раздражительной слабости состоитъ въ подавленности или пониженной дѣятельности задерживающихъ или мыслительныхъ центровъ или корки — и вслѣдствіе этого въ повышенной дѣятельности рефлекторныхъ или субкортикальных центровъ.

Нѣтъ надобности, чтобы пораженія корки были непременно видимыя и осязаемыя. Достаточно въ этихъ случаяхъ нарушенія въ притокъ и оттокъ питательнаго матеріала къ коркѣ, чтобы усилить и ослабить ея дѣятельность и тѣмъ обуздать или ослабить дѣятельность субкортикальных центровъ. Такіе жизненные моменты, какъ періодъ половой зрѣлости, беременность, нравственные волненія, климактерическій возрастъ и пр. безусловно отражаются на питаніи кортикальных центровъ. Эти же самые моменты служатъ и къ усиленію проявленія болѣзненныхъ признаковъ нервной раздражительной слабости.

В. Насильственные явленія.

Нервная раздражительная слабость сама по себѣ въ большинствѣ случаевъ не есть психозъ. Это только патологическая почва, патологическая основа, изъ которой можетъ развиваться тотъ или другой психозъ.

Мы знаемъ, что психозъ или душевная болѣзнь есть картина сложная, состоящая изъ отдѣльныхъ единицъ патологическихъ, подобно тому, какъ нормальная ду-

¹⁾ П. Ковалевскій, Судебно-психиатрическіе анализы, Т. II, стр. 250 и др. 1881.

²⁾ Meynert, Zum Verständniss der functionellen Nervenkrankheiten, 1882, S. 7,—oder Wienes Med. Blätter, 1882, № 16—17.

шенная жизнь состоитъ изъ единицъ нормальныхъ. Къ этимъ патологическимъ элементамъ относятся въ области ощущений: гиперестезии и анестезии, иллюзии и галлюцинации,—въ области самочувствія—явленія тоски, страха, отчаянія и пр. въ области мышленія—насильственные представленія, безумныя представленія и пр.,—въ области движенія парезы, параличи, судорги, контрактуры и проч. Все это—элементы, изъ которыхъ въ послѣдствіи строится психозъ.

Первое осложненіе или поступленіе нервной раздражительной слабости къ области психозовъ—это сочетаніе ея съ элементами психического расстройства.

Чаще другихъ въ сочетаніи съ нервной раздражительной слабостью являются насильственные явленія, это: насильственные представленія, насильственный страхъ или патофобія, насильственные ощущенія и насильственные движенія.

Я позволю себѣ остановиться на первыхъ двухъ явленіяхъ: насильственного страха или патофобіи и насильственныхъ представленіяхъ или интеллектуальныхъ импульсахъ.

1. Патофобія.

Явленія этого рода описаны были въ первый разъ проф. Westphal'емъ подъ именемъ агорафобіи ¹⁾. Но это была только одна частица общаго патологическаго явленія—болѣзненнаго страха—страхъ открытыхъ пространствъ. Вскорѣ затѣмъ начали замѣчать, что существуютъ и другія подобныя явленія, какъ: боязнь закрытыхъ пространствъ, боязнь множества людей, боязнь людей вообще, боязнь нечистоты и проч. Мало по малу поле общаго вопроса расширялось путемъ изученія отдѣльныхъ явленій.

Мы знаемъ, что чувство страха и тоски можетъ являться патологически не только самостоятельно, но и въ сочетаніи съ другими болѣзненными явленіями, какъ: при меланхоліи, ипохондріи, хроническомъ пьянствѣ, гидрофобіи и пр. Въ этихъ болѣзненныхъ картинахъ

¹⁾ Westphal, Die Agoraphobie, Archiv f. Psychiatr. B. III, Hft. 1.

оно послѣдовательно и находится въ связи и зависимости отъ другихъ болѣзненныхъ явленій, тогда какъ чувство страха при патофобіи первично, самостоятелно и единично. По этому нужно различать патофобію двухъ родовъ идіопатическую, являющуюся первично и самостоятельно и дейтеропатическую, являющуюся въ связи съ другими элементами душевнаго разстройства и при психозахъ. Мы будемъ касаться только первой, идіопатической патофобіи.

Приступы болѣзненнаго страха или патофобіи являются обыкновенно внезапно, при соприкосновеніи съ роковымъ для нихъ предметомъ, ощущеніемъ или представленіемъ. До того веселые и разговорчивые люди, вдругъ обрываютъ, свою веселость. На нихъ нападаетъ страхъ, ужасъ, тоска, отчаяніе и томленіе. Горло сжимается. Дыханіе захватывается. Является особенное ощущение сжатія и давленія въ области сердца. Появляется удушье, а иногда и тошнота. Въ рѣдкихъ случаяхъ при этомъ бываетъ головокруженіе. Лицо то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, то покрывается крупными каплями пота. Руки, ноги и все туловище дрожатъ. Колѣни подгибаются. Больные готовы упасть и плакать. Иногда даже и дѣлаютъ это, но потихоньку и въ полголоса, такъ какъ у нихъ отъ страха отнимается голосъ. На лицѣ выражается страхъ и растерянность, во всемъ тѣлѣ какое-то замиранье, по кожѣ бѣгаютъ мурашки. Такой страдалецъ чувствуетъ себя удаленнымъ отъ всего міра предъ предстоящимъ открытымъ или замкнутымъ пространствомъ и безконечно ужасается. Онъ чувствуетъ себя уничтоженнымъ, не смѣетъ ступить съ мѣста, не двигается и приходитъ въ отчаяніе, что никогда не выйдетъ изъ этого положенія. Секунды ему кажутся мѣсяцами, минуты годами. Страдальцы съ мольбою и отчаяніемъ ищутъ выхода изъ своего ужаснаго положенія. И дѣйствительно, иногда самыя ничтожныя обстоятельства избавляютъ ихъ отъ этого ужаснаго положенія. Что касается состоянія разсудка и сознанія, то хотя въ это время и сознается вся нелѣпость положенія, тѣмъ не менѣе дѣйствіе сознанія парализуется и отстраняется. Разсудокъ и сознаніе въ это время какъ бы отдѣлены и изолированы и человѣкъ всецѣло живетъ своимъ

страхомъ и своею страстью. Это будетъ какъ бы временная подавленность мыслительныхъ или задерживающихъ центровъ. Кортикальные центры какъ бы парализуются, хотя не выводятся изъ круга дѣятельности, какъ при эпилепсiи,—и даютъ полный просторъ дѣятельности субкортикальныхъ центровъ.

Съ прекращеніемъ вліянія извѣстнаго раздражителя, будь то открытое пространство, будь то закрытое пространство и проч.,—больные опять чувствуютъ себя прекрасно, легко, свободно и благодушно. Какъ внезапно приступъ наступаетъ, также быстро онъ и исчезаетъ. Приступъ страха длится обыкновенно отъ нѣсколькихъ секундъ до нѣсколькихъ минутъ, много полъ часа. Подобные приступы могутъ повторяться то чаще, то рѣже, въ зависимости отъ соприкосновенія съ предметами вызывающими эти приступы страха. Такими предметами могутъ быть: площади, широкія улицы, большія залы, церкви, театры, цирки, маленькія и узкія комнаты, толпы людей, отсутствіе людей и одиночество, несчастье съ ближними, смерть и отравление близкихъ людей, несчастье съ самимъ собою,—собственная смерть и проч.

Чтобы этотъ страхъ и ужасъ прошли иногда, достаточно самыхъ пустяжныхъ обстоятельствъ,—для этого достаточно, чтобы около него былъ кто-нибудь другой, иногда достаточно маленькаго мальчика, даже годоваго ребенка (Cordes), проѣзжающаго экипажа, палки, зонтика и свѣта фонаря (Legrand-du-Saulle).

Болѣе обстоятельно это состояніе въ первый разъ было описано Westphal'емъ. Онъ замѣтилъ, что вышеописанныя явленія бываютъ у нѣкоторыхъ лицъ въ то время, когда они одни вступаютъ на площадь или открытое мѣсто. Это состояніе приступовъ страха Westphal называлъ агорафобіей или боязнью открытыхъ пространствъ. Вскорѣ затѣмъ замѣтили, что подобное же состояніе можетъ возникать и въ совершенно обратныхъ случаяхъ. Raggi ¹⁾ описалъ появленіе такого же состоянія при соприкосновеніи подобныхъ больныхъ съ замкнутыми пространствами и называлъ его

¹⁾ Raggi, La chithrophobie. Gazette des hopitaux. 1878, № 49.

клитрофобіей. Ball ¹⁾ описалъ подобное же состояніе подъ именемъ клаустрофобіи. Принимая во вниманіе, что болѣзненное состояніе—появленіе страха въ обоихъ случаяхъ обуславливается соприкосновеніемъ съ пространствами, въ первомъ случаѣ съ открытыми, во второмъ съ замкнутыми, Beard предложилъ оба эти состоянія содинить вмѣстѣ и окрестилъ ихъ бо-язнью пространствъ—топофобія. Дальнѣйшее изученіе литературы и клиническихъ случаевъ показало, что все дѣло не ограничивается только открытыми и закрытыми пространствами, а приступы страха могутъ появляться въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ и при соприкосновеніи съ самыми разнообразными обстоятельствами. Такъ Morel ²⁾ описываетъ случай, гдѣ одинъ больной не могъ выносить нижняго этажа, такой же случай сообщенъ и Meschade на конгрессѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ Касселѣ. Verga описываетъ случай, когда одному живописцу пришло въ голову, что мастерская, въ которой онъ работаетъ, заперта. Послѣ непродолжительнаго томленія и метанья, онъ бросился въ окно и достигъ земли по крышамъ. Brück ³⁾ передаетъ, что одинъ священникъ приходилъ въ ужасъ, если надъ его головою не было защиты; онъ не испытывалъ этого страха, если былъ подъ деревьями, или же надъ его головою былъ зонтикъ. Cordes ⁴⁾ приводитъ случай, что одинъ господинъ испытывалъ подобные же приступы, когда находился въ большой толпѣ. Мнѣ ⁵⁾ извѣстенъ случай, гдѣ одна молодая дама, вскорѣ послѣ замужества, не могла ѣздить въ закрытой коляскѣ или каретѣ,—тотъ часъ у нея являлись приступы ужаса, что въ колесахъ ея экипажа можется ея мать. Она при этомъ ясно слышала стоны, трескъ костей и проч. Всю дорогу нужно было выходить изъ

¹⁾ Ball, De la claustrophobie. *Annal. medicopsychol.* 1879, p. 378.

²⁾ Morel, Du délire emotif. *Arch. génér. de Med.* Avril. 1868.

³⁾ Brück, см. Westphal—Nachtrag zu dem Aufsätze über Agoraphobie. *Arch. f. Psychiatr.*, B—d III, Hft 1.

⁴⁾ Cordes, Die Platzangst, *Arch. f. Psych.* B—d III, Hft 3, und B—d X, Hft 1.

⁵⁾ Ковалевскій, Насильственные представленія и ощущенія. 1880.

вскипая и разубѣждаться. Ея бабушка страшно боялась воды, даже при видѣ воды въ графинѣ и стаканахъ на нее находили приступы ужаса,—даже при мысли о водѣ. Дядя больной страдалъ агорафобіей.

Мнѣ извѣстна одна дама, получившая хорошее образование, которая во время беременности не могла выносить запаха табаку. Это еще ничего. Скоро она не могла выносить присутствія своего мужа. Одинъ видъ его, его появленіе вызывали страшное томленіе, отчаяніе и позывъ на рвоту. Даже и это ничего. Скоро на нее напала водобоязнь. Она не могла выносить воды: въ водѣ умываться, при питье и даже мысль о водѣ ее страшно мучила. Но хуже всего дѣло приняло видъ, когда она не въ состояніи стала видѣть свои собственные руки. Какъ только они появлялись предъ ея глазами, такъ сей часъ приступъ волненія, безпокойства, страха, отчаянія и проч. Съ появленіемъ одного предмета страха и отчаянія, другіе становились выносимыми. Такое состояніе длилось весь второй мѣсяцъ беременности.

И множество другихъ случаевъ описано было, при которыхъ появлялись приступы страха. Въ виду того, что изучались различными авторами отдѣльные случаи приступовъ страха при различныхъ обстоятельствахъ, давались этими авторами и различныя названія, указывающія только на частичное проявленіе страха въ томъ или другомъ случаѣ. Отсюда появились термины: агорафобія—боязнь открытыхъ пространствъ или площадей, — клитрофобія и клавстрофобія—боязнь закрытыхъ пространствъ, топофобія—боязнь вообще мѣстъ, астрафобія—боязнь молніи (Beard), антропофобія—боязнь множества людей, монофобія—боязнь одиночества, панфобія—боязнь всего, мизофобія—боязнь нечистоты (Hammond), боязнь возврата домой—ойкофобія (Salemi—Pace), боязнь высоты—гипсофобія (Arndt), боязнь оставаться въ подвалахъ и узкихъ мѣстахъ—батифобія и т. д.

Въ сущности же это только отдѣльныя проявленія одного общаго состоянія патологическаго страха, который отличается другъ отъ друга въ зависимости отъ того какими причинами обуславливается этотъ страхъ,—будутъ ли вызывать его площади, или запер-

тня комнаты, или открытое пространство, или мысль о возвратѣ изъ больницы домой, или мысль о томъ, что у больной зубы поломаются и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ является одно общее явленіе страхъ патологическаго свойства. По этому я полагаю, что правильнѣе было бы всѣ эти явленія обобщать въ одно цѣлое и болѣе разумнымъ терминомъ было бы для этого состоянія терминъ патологическій страхъ — патофобія.

Мы знаемъ, что и въ здоровой жизни человѣка нерѣдки случаи страха; только всѣ эти случаи имѣютъ свою причину и напряженность проявленія страха и ужаса находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ значеніемъ причины. Въ патофобіи приступъ страха тоже всегда связанъ съ какимъ-нибудь представленіемъ или ощущеніемъ, только во 1-хъ всегда почти съ однимъ и тѣмъ же, во 2-хъ эффектъ страха всегда неизмовѣрно сильнѣе обуславливающаго его импульса, или причина неизмѣримо слабѣе проявленія слѣдствія и въ 3-хъ причина или импульсъ бываютъ крайне нелѣпы по отношенію къ послѣдующему проявленію или эффекту.

Обыкновенно этому состоянію подвергаются люди крѣпкіе, физически здоровые и упитанные. Возрастъ проявленія патофобіи обыкновенно между 25 и 45 годами жизни. Относительно пола съ положительностью можно утверждать, что преимущество заболѣванія остается за мужскимъ поломъ. По Legrand-du-Saulle'ю ¹⁾ одна женщина приходится на пять мужчинъ. По Cordes'у же одна женщина была на 54 мужчины, да и у той была смѣшанная, дейтеропатическая форма агорафобіи ²⁾. Заболѣванію подвергаются большею частью

¹⁾ Legrand-du-Saulle, Etude clinique sur la peur des espaces. 1878.

²⁾ Указавши на такой ничтожный процентъ заболѣванія патофобіей женщинъ, Cordes прибавляетъ: „до сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать глухихъ людей, страдающихъ боязнью пространства“. Cordes, Arch. f. Psych., B—d X, N. 1, 5. Cordes вѣроятно судить о женщинахъ по нѣмецкимъ женщинамъ. Прибавимъ къ этому, что самъ Cordes страдалъ агорафобіей. Ставши даже на точку нѣмецкой самомнительности, на этотъ разъ все таки можно позавидовать женщинамъ.

люди мыслящіе, любящіе работать головою. Многие изъ такихъ больныхъ ведутъ свои автобіографіи (Legrand-du-Saulle) и при томъ довольно вѣрно и мѣтко.

Почти всѣ патофобики имѣютъ нерво- и психопатическую наслѣдственность. Обыкновенно у родителей этихъ больныхъ находятъ психозы, нервозы, пьянство, преступленія, апоплектические приступы, самоубійство и пр. Сами патофобики, почти всегда, лица тоже нервныя, впечатлительныя, воспріимчивыя, самолюбивыя, обидчивыя, раздражительныя, подозрительныя, недовѣрчивыя, любящіе фантазировать, быстро переходящіе изъ одного настроенія духа въ другое и вообще со всѣми признаками нервной раздражительной слабости.

Заболѣванію способствуютъ усиленныя умственныя занятія, половыя и алкогольныя излишества, продолжительные и упорные запоры, сперматорея и употребленіе большаго количества кофе (Legrand-du-Saulle).

Еще Westphal, описывая агорафобію, о сущности этого состоянія высказался, что это есть только частное проявленіе одного общаго какого-то нервного расстройства. Мнѣ кажется, что всѣ проявленія патофобіи, въ видѣ агорафобіи, мезофобіи, ойкофобіи и проч., всѣ они суть проявленія одного общаго нервоза—это именно нервной раздражительной слабости. Jolli ¹⁾ высказался, что агорафобія есть проявленіе ипохондріи и оба эти состоянія очень легко могутъ быть смѣшаны между собою. Что касается смѣшенія этихъ формъ въ клиническомъ отношеніи, то я рѣшительно ничего не вижу между ними общаго,—если и есть что между ними общее, то это-то, что какъ ипохондрія, такъ и патофобія суть проявленія одного и того же нервоза—это именно нервной раздражительной слабости. Между ними то общее, что оба они развиваются изъ нервной раздражительной слабости. Точно также отрицають подобную зависимость патофобіи отъ ипохондріи Cordes ²⁾ и Löwenfeld ³⁾.

¹⁾ Jolli, Hypochondrie, Handbuch Ziemssens.

²⁾ Cordes, l. c. s. 52.

³⁾ Löwenfeld, Ueber Platzangst und verwandte Zustände, 1882.

Я полагаю, что общій нервозъ, предполагаемый проф. Westphal'емъ, есть нервная раздражительная слабость. Полагаю это 1-хъ на томъ основаніи, что всѣ лица обнаруживающія явленія патолобїи обыкновенно имѣютъ предварительно или послѣдовательно явленія нервной раздражительной слабости и 2-хъ на томъ основаніи, что лица, страдающія нервной раздражительной слабостью часто обнаруживаютъ явленія патолобїи. Beard указалъ, что явленія патолобїи есть самый обыкновенный признакъ при нервной раздражительной слабости. Тоже мнѣніе подтверждаетъ и Tamburini ¹⁾, полагая, что въ основѣ этого страха лежитъ плохое питаніе мозга вслѣдствіе состоянія вырожденія.

На этомъ основаніи я думаю, что патолобїя есть высшее проявленіе нервной раздражительной слабости. Это такое проявленіе ея, когда къ ней примѣшиваются элементы душевнаго разстройства, слѣдовательно, это есть поступательный моментъ изъ нервоза къ психозу. И дѣйствительно, строго изучая психозы, мы находимъ, что патолобїя при дальнѣйшемъ развитіи, весьма легко можетъ перейти въ чувственное помѣшательство или Folie du doute, какъ насильственные представленія служатъ естественною ступенью къ помѣшательству сомнѣнія—Fragesucht или Grübelsucht. Чувственное помѣшательство тѣмъ отличается отъ патолобїи, что послѣдняя есть явленіе острое и представляющее элементы психопатологическіе, тогда какъ Folie du doute явленіе болѣе сложное и хроническое.

Присматриваясь къ явленіямъ патолобїи и затѣмъ дальнѣйшей болѣзни—помѣшательство сомнѣнія (Folie du doute), оказывается, что они очень походятъ другъ на друга, съ тою разницею, что патолобїя представляетъ одиночныя явленія страха, вызываемыя у каждаго индивида почти всегда одними и тѣми же явленіями, тогда какъ помѣшательство сомнѣнія представляетъ собою цѣлый рядъ такихъ явленій. Такимъ образомъ, послѣдняя болѣзнь есть только дальнѣйшее развитіе первой, значительно осложненное. Мнѣ кажется, что между ними нѣтъ только посредственнаго соединяющаго звѣна, хотя оно въ нейропатологїи и существуетъ, но поставлено совершенно отдѣльно.

¹⁾ Tamburini, Rivista speriment di freniatria, 1883, 1—3.

Мнѣ кажется, что таковымъ явленіемъ будетъ служить параллелія, подѣ влияніемъ мнительности и болѣзненной фантазіи, описанная Russel'емъ ¹⁾, проф. Чирьевымъ ²⁾, Erb'омъ ³⁾ и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наступали параллеліи подѣ влияніемъ боязни и мысли о томъ, что они не могутъ ходить. Больной д-ра Совѣтова ⁴⁾ свободно двигалъ ногами въ постели, ходилъ по лѣсницѣ, по клѣтчатому полу, но тотъ часъ падалъ отъ немочи и страха, какъ только полъ былъ гладкій и ровный. Въ данномъ случаѣ параллелія тоже обуславливалась чисто психическимъ моментомъ—боязнью гладкаго и ровнаго пола. Наконецъ мнѣ ⁵⁾ пришлось наблюдать случай иллюзорной *Tabes dorsualis*, развившейся при страшной мысли, что больной можетъ заболѣть этой болѣзнью. Всѣ эти явленія, мнѣ кажется, служатъ мостикомъ между патофобіей и помѣшательствомъ сомнѣнія. Но мостикъ еще не полонъ и ожидаетъ дальнѣйшихъ звѣнцевъ отъ послѣдующихъ наблюденій и изслѣдованій.

Разсматривая картину патофобіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, мы замѣчаемъ, что она состоитъ главнымъ образомъ въ состояніи страха, ужаса и томленія, появляющихся періодически, именно тогда, когда въ нашемъ сознаніи выступаетъ извѣстное, почти всегда одно и то же, обстоятельство, или представленіе. Слѣдовательно, вся болѣзненность, патологичность, этого явленія состоитъ въ томъ, что страхъ и ужасъ являются не въ обычную пору, тогда, когда у всѣхъ другихъ людей они не являются. Иначе говоря, въ данныхъ случаяхъ страхъ и ужасъ являются противъ сознанія и воли, рефлекторно отъ извѣстнаго специфическаго ощущенія или представленія.

Явленія страха и ужаса сами по себѣ явленія нормальныя. Патологичность ихъ при патофобіи состоитъ въ томъ, что они являются при такихъ обстоятельствахъ, ощущеніяхъ и представленіяхъ, которыя у здоровыхъ людей ничего подобнаго не вызываютъ. Далѣе, и сами по себѣ тѣ ощущенія и представленія, которыя у патофобиковъ вызываютъ явленія страха, бываютъ и у здоровыхъ людей и никакого страха и ужаса не вызываютъ.

¹⁾ Russel Regnolds, Brit med. Journal. 1867, 5.

²⁾ Проф. Чирьевъ, Медицинскій Вѣстникъ. 1884, №№ 1 и 2.

³⁾ Erb, Болѣзни спинного мозга.

⁴⁾ С. Н. Совѣтовъ, Архивъ психіатріи, неврологіи и проч. т. III, № 2, 1884.

⁵⁾ П. И. Ковалевскій, *Tabes dorsualis illusoria*. Медицинск. Вѣстн. 1884, № 22.

Слѣдовательно, вся ненормальность, вся патологичность заключается въ необычной ассоціаціи даннаго ощущенія или представленія съ явленіями страха и ужаса.

Главное ядро болѣзни есть страхъ и ужасъ,—причина его то или другое представленіе или ощущеніе. Сами по себѣ въ отдѣльности эти явленія нормальныя. Ненормальность же ихъ состоитъ въ необычномъ сочетаніи.

Мы знаемъ, что всякое ощущеніе и представленіе, появляясь въ нашемъ сознаніи, вызываютъ ту или другую реакцію въ нашемъ самочувствіи—чувство пріятнаго, или чувство непріятнаго. Въ патологій обыкновенно бываетъ такъ, что извѣстное ощущеніе или представленіе, само по себѣ совершенно нормальное, обязательно ассоціируется съ проявленіемъ страха и тоски, съ явленіями въ сущности тоже нормальными. Слѣдовательно, ненормальность заключается въ неправильности и насильственности ассоціаціи даннаго ощущенія или представленія съ проявленіемъ самочувствія, страхомъ и тоскою. Въ сущности это будетъ патологическій рефлексъ, патологическая ассоціація и дѣятельность субкортикальных центровъ, при пониженной или подавленной дѣятельности кортикальных центровъ.

II. Насильственные представленія.

Второе сочетаніе нервной раздражительной слабости съ элементарными душевными расстройствами будетъ въ области представленій,—это именно насильственные представленія. Подъ именемъ насильственныхъ представленій разумѣютъ такіа, которыя являются въ сознаніи мыслящаго человѣка безъ его воли и даже противъ его воли; явившись же разъ, они не исчезаютъ въ обычное время, не смѣняются другими представленіями и такимъ образомъ тормозятъ и нарушаютъ обыкновенный ходъ мыслительной дѣятельности, не смотря даже на противодѣйствіе здороваго сознанія. Эти явленія въ области представленій аналогичны такимъ же явленіямъ въ области чувствъ—галлюцинаціямъ (Meynert)¹⁾.

У одного моего больного явилась мысль убить себя во чтобы то ни стало. Онъ вполне сознавалъ всю нелѣпость этой мысли,

¹⁾ Meynert, Die acuten Formen des Wahnsinns. Jahrbücher für Psychiatrie. B—d II, s. 186.

старался подавить ее, старался отвлечь от нея свое вниманіе и тѣмъ не менѣе онъ ничего не могъ сдѣлать противъ этого. Смерти своей онъ вовсе не желалъ, напротивъ, жизнь ему была очень дорога; откуда могла взяться у него эта мысль, онъ рѣшительно не могъ себя уяснить.

У другого больного явилась мысль, что онъ будетъ богатъ. Откуда и какимъ образомъ онъ, бѣдный мастеровой, достанетъ это богатство, онъ самъ не могъ рѣшить, тѣмъ не менѣе мысль эта его преслѣдовала всюду, днемъ и ночью, она „дѣлала перебой другимъ мыслямъ“ и мучила его настолько, что онъ вынужденъ былъ поступить въ мое отдѣленіе ¹⁾.

У одного больного явилась мысль, что у него нѣтъ затылка и онъ вѣчно схватывался рукою за свой затылокъ. Не смотря на скорое реальное разубѣжденіе, мысль преслѣдовала его неотступно въ теченіи многихъ мѣсяцевъ.

Одному мальчику казалось, что онъ постоянно цѣпляется за предметы, мимо которыхъ проходить, и рветъ о нихъ одежду. По этому онъ долженъ былъ сто разъ осматривать свой сюртукъ, свои брюки и пр. цѣлы ли они, не порвалъ ли онъ ихъ.

Д-ръ Ив. Я. Платоновъ ²⁾ описалъ исторію болѣзни одного больного, у котораго послѣ того, какъ онъ услышалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ заболѣлъ припадками падучей болѣзни, чрезъ нѣкоторое время явилась мысль, что вотъ-вотъ у него явится припадокъ падучей. Мысль эта была настолько постоянна, мучительна и назойлива, что онъ долженъ былъ бросить мѣсто учителя, поселиться на хлѣбахъ изъ милости у своихъ родныхъ и наконецъ поступить на излеченіе въ сумашедшій домъ.

Мнѣ недавно пришлось встрѣтить одного умнаго и образованнаго человѣка, у котораго, послѣ нравственныхъ потрясеній, было такое состояніе, что онъ не могъ ходить на охоту съ своимъ другомъ. Какъ только онъ увидитъ спину его, такъ и является у него непреодолимое, ужасное желаніе всадить ему въ спину зарядъ. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ не только прекратить охоту, но даже разрядить и запереть ружье.

Возможно было бы привести еще множество примѣровъ.

¹⁾ Ковалевскій, Насильственные представленія и ощущенія. 1880.

²⁾ Платоновъ, Насильственные представленія. Врачебныя Вѣдомости. 1881 г.

При появленіи того или другого насильственного представленія, сами больные сознають всю несообразность и нелѣпость его и тѣмъ неменѣе не могутъ отъ него отдѣлаться. Они стараются удалить его, стараются смѣнить его другимъ, но насильственное представленіе дѣлаетъ перебой другимъ мыслямъ и появляется на авансценѣ сознанія. Такія насильственные представленія являются или вслѣдствіе предшествовавшихъ какихъ-нибудь впечатлѣній, какъ напр., прочитаннаго, слышаннаго разсказа, видѣннаго зрѣлища и проч.,—или возникаютъ самостоятельно. Во всякомъ случаѣ каждое такое представленіе не есть что либо новое небывалое въ сознаніи даннаго лица, оно непременно имѣетъ что нибудь изъ прежняго запаса представленій въ основѣ своей, почему Wille ¹⁾ называетъ такія представленія „атавистическими представленіями“.

Иногда такое представленіе держится годы,—въ другихъ случаяхъ оно смѣняется другимъ по истеченіи болѣе или менѣе длительного срока,—еще въ иныхъ случаяхъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ представленій.

Насильственные представленія являются обыкновенно у лицъ съ патологическою наслѣдственностью и патологическимъ семейнымъ расположеніемъ. Особенно часто въ этомъ случаѣ предшествуетъ пьянство родителей. Сами больные съ дѣтства обыкновенно обнаруживаютъ явленія нервной раздражительной слабости, нерѣдко комбинированной уже съ дѣтства съ явленіями патолобій.

Относительно пола трудно указать въ данномъ случаѣ предпочтеніе одного предъ другимъ. Мнѣ приходилось встрѣчать насильственные явленія болѣе у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. Помимо наслѣдственного расположенія обнаруженію болѣзни способствуютъ: неудачно сложившаяся семейная жизнь, постоянно повторяющіяся нравственные потрясенія, политическія колебанія, плохія матеріальныя условія существованія, пьянство, развратъ и пр. Westphal ²⁾ полагаетъ, что на-

¹⁾ Wille, Zur Lehre von den Zwangsvorstellungen. Arch. f. Psychiatr. B—d XII, Hft. 1.

²⁾ Westphal, Ueber Zwangsvorstellungen, Archiv f. Psych. B. VIII, Hft. 3.

сильственные представленія болѣе свойственны людямъ развитымъ и мыслящимъ,—Salomon ¹⁾ съ тѣмъ не вполне соглашается. Что касается моей практики, то мнѣ приходилось встрѣчать достаточное количество какъ у людей развитыхъ, такъ и у мало развитыхъ, только у первыхъ они являлись несравненно рѣже и отчетливѣе выраженными.

При появленіи насильственныхъ представленій вся остальная область мыслительной дѣятельности, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи бываетъ рѣшительно нетронута. Вся патологичность въ данномъ случаѣ состоитъ только въ томъ, что больной никакъ не можетъ устранить навязчивой мысли. Она преслѣдуетъ его день и ночь, ежедневно, ежедневно, ежеминутно, ежесекундно и заглушаетъ въ немъ всѣ попытки воли сдвинуть ее и замѣнить новою. Естественно такое состояніе не можетъ не отразиться на состояніи самочувствія и поступковъ данного лица, а равно и на ходѣ мыслительной дѣятельности.

Въ области мыслительной дѣятельности насильственные представленія отражаются ослабленіемъ вниманія данного лица къ вопросамъ лежащимъ внѣ области этихъ представленій. Только что больной начинаетъ усиленно сосредоточивать свое вниманіе на той или другой мысли или работѣ, какъ вновь появляется насильственное представленіе, которое мѣшаетъ и перебиваетъ работу, почему такіе больные, особенно въ разгаръ болѣзни, часто неспособны бывать вести дѣло, отказываются отъ должности или мѣста и сами произвольно идутъ въ сумасшедшій домъ.

Не безъ вліянія остаются также насильственные представленія и въ области самочувствія. Извѣстно, что въ нормальномъ состояніи однообразіе содержанія представленій дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на самочувствіе ²⁾. Такой человѣкъ раздражается, становится недовольнымъ, выходитъ изъ себя и можетъ дойти даже до аффекта. Подобное состояніе мы видимъ и въ патологии душевной дѣятельности. Извѣстно, что однообразіе содержанія галлюцинацій активной

¹⁾ Salomon, Zur Lehre von den Zwangsvorstellungen. Jbidem.

²⁾ Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ, т. I.

меланхоліи и ихъ назойливость могутъ доводить до *Raptus melancholicus* и ужаснаго буйства. Тоже самое мы замѣчаемъ и при насильственныхъ представленіяхъ. Постоянное присутствіе, неотступная назойливость этихъ образовъ мысли производитъ въ больныхъ сосредоточенность, отчужденіе, раздражительность, недовольство, иногда даже покушеніе на самоубійство. Естественно, что напряженность непріятнаго настроенія духа находится въ зависимости отъ напряженности и назойливости насильственного представленія,—слѣдовательно разстройство самочувствія есть явленіе вторичное и послѣдовательное.

Наконецъ не безъ вліянія насильственныхъ представленія остаются и на поступки больного. Въ слабой степени напряженности поступки и движенія больныхъ могутъ быть внѣ всякаго вліянія насильственныхъ представленій,—но въ сильной степени напряженія насильственныхъ представленій могутъ быть и насильственные поступки, поступки сознательно совершаемые больными какъ нелѣпыя и преступныя и тѣмъ неменѣе совершаемые. Разумѣется такое огромное вліяніе на область поступковъ могутъ имѣть насильственные представленія уже достаточно долго продолжающіяся, успѣвшія укорениться и при томъ въ сильнѣйшей степени напряженія.

Появившись разъ, насильственные представленія могутъ на время скрываться съ тѣмъ, чтобы появиться вновь. Если насильственные явленія имѣютъ характеръ постоянный, то они нерѣдко представляютъ колебательное состояніе, то усиливаясь, то волнообразно ослабѣвая. Обстоятельства, способствующія усиленію существующихъ насильственныхъ представленій, будутъ: нравственные потрясенія, запоры, усиленные умственные занятія, половыя и спиртныя излишества и проч.

Если внѣшнія условія существованія такого больного довольно благопріятны и онъ подвергается болѣе или менѣе разумному леченію, то можно ожидать, что болѣзненные явленія исчезнутъ вовсе, хотя, разумѣется, нельзя поручиться, что новыя неблагопріятныя условія жизни не вызовутъ ихъ вновь. Въ другихъ менѣе благопріятныхъ случаяхъ насильственные представленія принимаютъ хроническій характеръ, оставаясь на

очень долгое время и даже на всю жизнь, при чемъ они принимаютъ колебательное движеніе: то улучшенія, то ухудшенія.

Еще въ иныхъ случаяхъ насильственные представленія могутъ комбинироваться съ другими проявленіями нервной раздражительной слабости, такъ въ очень только рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать насильственные представленія безъ явленій патологической, при чемъ явленія страха и тоски слѣдуютъ тотъ часъ за сильно выраженнымъ проявленіемъ насильственного представленія, или же явленія страха и тоски являются періодически, отъ времени до времени, какъ бы замѣняя собою насильственные представленія.

Далѣе, насильственные представленія могутъ комбинироваться съ эпилепсіей, какъ на это указалъ Russell ¹⁾ и это иллюстрируетъ случай, описанный Я. А. Боткинымъ ²⁾. Недавно докторъ Платоновъ ³⁾ высказалъ положеніе, что насильственные представленія могутъ имѣть неблагоприятнымъ исходомъ своимъ помимо первичнаго помѣшательства, еще эпилепсію и эпилептическое помѣшательство. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться уже потому, что какъ эпилепсія, такъ и насильственные представленія весьма часто служатъ выраженіемъ одного и того же общаго нервного раздражительной слабости. За это мнѣніе говорятъ также случаи, приведенные Маудсли ⁴⁾, гдѣ всегда предъ приступомъ эпилепсіи являлось одно и то же представленіе и побужденіе. За мнѣніе г. Платонова говорятъ также послѣднія изслѣдованія Гнаука ⁵⁾, который указываетъ на сочетаніе первичнаго помѣшательства и эпилепсіи, или точнѣе развитіе первичнаго помѣшательства изъ эпилепсіи и эпилептического помѣшательства. За возможность подобнаго сочетанія говорятъ также наблюденія Wille ⁶⁾, по кото-

¹⁾ Russell, The british medical, 1879.

²⁾ Я. Боткинъ, Къ казуистикѣ эпилептическаго сумашествія. Медицинское обозрѣніе 1882 г.

³⁾ И. Я. Платоновъ, 1. с.

⁴⁾ Маудсли, Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.

⁵⁾ Gnauck, Ueber die Entwicklung von Geisteskrankheiten aus Epilepsie. Arch. f. Psych. B—d XII, Hft. 2.

⁶⁾ Wille, 1. с.

рымъ насильственные представленія могутъ развиваться въ ипохондрію, Folie du doute, Griebelsucht и проч.

Наконецъ еще одинъ исходъ насильственныхъ представлений—это переходъ ихъ въ первичное помѣшательство. Какъ мы увидимъ далѣе, между насильственными представленіями и первичнымъ помѣшательствомъ существуетъ очень много общаго. Westphal, весьма подробно описавшій насильственные представленія, высказалъ предположеніе, что они являются недозрѣлымъ первичнымъ помѣшательствомъ, почему и назвалъ ихъ abortивнымъ первичнымъ помѣшательствомъ. Я также неоднократно высказывался за то, что насильственные представленія весьма легко могутъ перейти въ безумныя представленія первичнаго помѣшательства, если только насильственные представленія успѣютъ ассоціироваться съ другими представленіями мыслительной жизни даннаго лица и изъ безсмысленныхъ и нелѣпыхъ въ сознаніи больного перейдутъ въ должныя и разумныя. Такой случай перехода насильственныхъ представлений въ первичное помѣшательство мыѣ пришлось наблюдать въ своемъ отдѣленіи ¹⁾.

По моему мнѣнію, насильственные представленія могутъ переходить въ первичное помѣшательство различнымъ способомъ: непосредственно и посредственно. Непосредственно, когда насильственное представленіе, сознаваемое больнымъ сначала за безсмысленное, мало по малу начинаетъ ассимилироваться, сочетаться съ другими и переходить въ сознаніи въ дѣйствительное и разумное. Такъ можетъ образоваться бредъ сомнѣнія—*Fragesucht*, бредъ преслѣдованія, бредъ религіозный и бредъ половой первичнаго помѣшательства. Посредственно насильственные представленія могутъ переходить въ первичное помѣшательство путемъ сочетанія ихъ съ другими явленіями нервной раздражительной слабости. Такъ при сочетаніи съ ипохондріей (*Wille*) можетъ возникнуть ипохондрическое первичное помѣшательство,—при сочетаніи съ явленіями патолофобіи можетъ возникнуть *Folie du doute*, можетъ быть и такая комбинація, что съ насильственными пред-

¹⁾ П. Ковалевскій, Судебно-психіатрическіе анализы, т. II, стр. 261.

ставленіями сочетаются ипохондрія и патолофія и затѣмъ развивается смѣшанная форма ипохондрическаго первичнаго помѣшательства и Folie du doute,—такой случай приходилось наблюдать и мнѣ. Возможно также сочетаніе насильственныхъ представленій съ эпилеціей и истеріей и затѣмъ трансформация ихъ въ первичное помѣшательство.

Для пониманія сущности насильственныхъ представленій, я позволю себѣ напомнить три положенія изъ физиологіи представленій.

1) Каждое представленіе, для отчетливости и ясности въ сознаніи, требуетъ извѣстный срокъ времени.

2) Каждое представленіе имѣетъ начало въ ощущеніи или въ восстановленіи изъ прежнихъ представленій и въ свою очередь даетъ послѣ себя извѣстный импульсъ въ видѣ новаго представленія, или движенія, или состоянія самочувствія,—слѣдовательно всякое представленіе какъ возникаетъ, такъ и исчезаетъ при помощи ассоціаціи.

3) Каждое представленіе, просуществовавъ извѣстный срокъ, должно смѣниться другими представленіями, или другимъ проявленіемъ душевной дѣятельности.

Въ жизни насильственныхъ представленій мы усматриваемъ нарушеніе механизма мышленія. Хотя насильственное представленіе есть и «катавистическое представленіе», т. е. не нѣчто новое для нашего сознанія, а имѣющее основу въ жизни прежнихъ представленій; тѣмъ не менѣе появленіе его, какъ насильственнаго представленія есть совершеннѣйшая новостъ для данного лица. Такое представленіе возникаетъ внезапно, неожиданно, насильственно врываясь, не ассоціированно. Появившись не ассоціированно, оно нарушаетъ второе условіе нормальнаго мышленія—не смѣняется слѣдующимъ представленіемъ, а остается всегда на первомъ мѣстѣ въ полѣ нашего сознанія. Естественнo, возникши не ассоціационнымъ способомъ, оно и исчезнуть не можетъ тѣмъ же путемъ, такъ какъ другія представленія не роднятся съ нимъ, считаютъ его несноснымъ и бессмысленнымъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы видѣли нарушеніе ассоціаціи представленій. Насильственное представленіе является особнякомъ, не ассимилированнымъ. Оно можетъ уйти со

сцены или путемъ устраненія усиленнаго раздраженія для данной группы клѣтокъ, или же путемъ ассоціаціи. Но послѣдній путь будетъ патологическій, поэтому если насильственное представленіе сочетается съ другими, то тѣмъ самымъ оно переходитъ уже въ безумное представленіе и болѣзнь поступаетъ изъ періода насильственныхъ представленій въ періодъ первичнаго помѣшательства.

Далѣе, каждое насильственное представленіе по ясности и рельефности бываетъ слишкомъ интенсивно выражено, оно гораздо ярче и рѣзче выдѣляется въ полѣ сознанія, чѣмъ всѣ остальные. Нужно предположить, что группа клѣтокъ, служащая его источникомъ или органомъ подвергается особенному раздраженію. Образно можно себѣ представить, что, при насильственныхъ представленіяхъ, извѣстная группа клѣтокъ, служащая центромъ данныхъ представлений, подвергается какому то усиленному раздраженію съ нарушеніемъ ассоціаціи съ окружающими клѣтками, какъ центрами другихъ представлений. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ: яркость и рѣзкость даннаго представленія и его несмѣняемость, неспособность сойти со сцены сознанія. Если же коммуникація данной группы клѣтокъ, находящихся въ патологическихъ условіяхъ существованія и происходитъ, то она будетъ патологическая и результатомъ этой ассоціаціи будетъ уже переходъ даннаго представленія изъ насильственнаго въ безумное, что составитъ уже элементъ первичнаго помѣшательства.
